K46 9/108

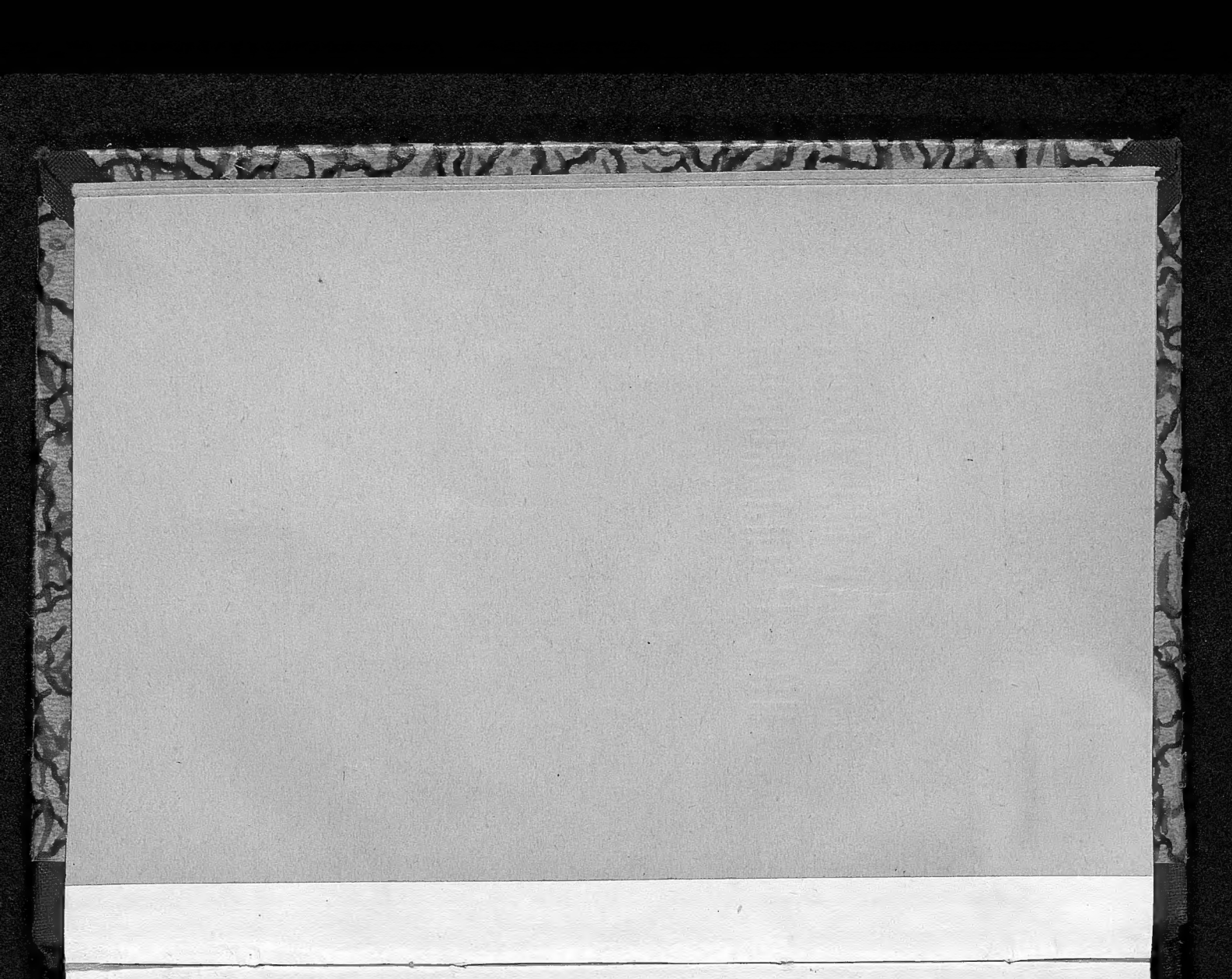
К 76 2 08

А. Е. ПРЕСНЯКОВ

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

35/2

ПЕТЕРБУРГ
«КОЛОС»
1922



Колос
Книго
изд
тельс
тво

К96 9/108

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

А. Е. ПРЕСНЯКОВ

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

ПЕТЕРБУРГ
«КОЛОС»
1922

Настоящее издание отпечатано в Типографии Первой Петроградской Трудовой Артели Печатников (б. 9-я Госуд.) в количестве 2000 экз. «Р. Ц.» № 2502.

БИБЛИОТЕКА
4709
31 14 2 М

I.

«В жизни ученого и писателя главные биографические факты—книги, важнейшие события—мысли». Эти слова Ключевского в его воспоминании о С. М. Соловьеве применимы, в общем, ко всякому, кто был больше исследователем, чем деятелем, и жил больше внутренней жизнью мысли, чем внешней—борьбы и поступков. Применимы они, в значительной мере, и к А. С. Лаппо-Данилевскому. Однако, не вполне применимы. А. С. Лаппо-Данилевский не был типичным «писателем», и «книга», публикация своей работы, приносила ему не столько радость достижения, хотя бы и весьма относительного, сколько тягостное сознание недостаточности больших затраченных усилий и предстоящей бесконечной упорной дальнейшей работы. «Мысли», несомненно, важнейший элемент его личного бытия, область непрерывной борьбы за разрешение сложных и все усложнявшихся, обширных и все разраставшихся задач научного и при-

том исторически ориентированного мировоззрения. Одинокая, в себя углубленная и в себе замкнутая, пока не созреет для надежных, прочно обоснованных достижений, работа мысли—основная стихия его жизни. Полной труда и напряжения, тяжких сомнений и настойчивых исканий была его жизнь в этой стихии. Лишь частично, и больше под давлением тех или иных внешних условий, предавал он печати, более или менее крупные отрывки слагавшихся обширных, планомерно задуманных трудов, завершение которых все отдалялось по мере роста работы, или отрывался от нее для случайных отдельных печатных выступлений. И все крепло сознание, что один в поле не воин, а вело это сознание к попыткам сорганизовать воинство для коллективной научной работы, столь слабой у нас на Руси в области общественных наук, путем систематического воспитания молодых сил в методах исследовательского труда и выработки форм ученого академического сотрудничества на русской почве, а также шире—в международном научном общении и международной академической союзности. Не только «книги» и «мысли» были важнейшими «фактами» и «событиями» в жизни А. С. Лаппо-Данилевского, но также—и не менее—организационные достижения в служении научной культуре

на путях университетского преподавания и академической деятельности.

2.

«Только слово имею я, как служитель Слова». Это изречение одного из отцов Восточной Церкви можно было бы поставить эпиграфом к внутренней, да и к внешней, биографии всякого «идеалиста», разумея под этим человека, который все духовные силы сосредоточил на выработке идеологии, соответствующей его восприятию мира и усвоенному им представлению о «безусловно» ценном, чтобы на нем строить все свое мировоззрение. А «идеалистом» такого типа был А. С. Лаппо-Данилевский. Повидимому, рано и вполне органически сложилось у него и срослось со всем его сознанием представление о том, что «способность вообще сознавать абсолютные ценности» есть основное свойство человека, именно то, что и делает его существом, особым от мира животных и природы, членом обособленного, хотя и неразрывно связанного со всем мирозданием «человечества». В этом представлении — осознанный принцип всей идеологии А. С. Лаппо-Данилевского, эмоциональная в такой же мере, как и логическая основа его философии жизни и истории, его метафизики и даже методологии. А выросло

оно на глубоких исторически обусловленных корнях из той традиции, которая его вскормила с детских лет, и стала у него своеобразно переработанным и непрерывно прорабатываемым наследием определенной среды и ее веками сложившихся культурных заветов. Зависимость от этой традиции остро и часто тягостно сознавалась им, потому тягостно, что он видел в ней черту условности воззрений, которые стремился понять и обосновать, как безусловные, «абсолютные», независящие в содержании и значимости от каких-либо частных и временных социальных и культурно-исторических обстоятельств. В борьбе с этими неизбежными противоречиями мысли и настроения протекала вся жизненная драма А. С. Лаппо-Данилевского, как мыслителя и ученого.

Его индивидуальность—носительница такой неустанной борьбы за внутреннюю свободу сознательной мысли—сложилась в очень характерных условиях среды и воспитания. Он родился 15 января 1863 г. и вырос в зажиточной и просвещенной помещичьей семье, в благоустроенной старой усадьбе, самое название которой рисует подготовленному воображению законченную картинку «усадебного быта»: имение Удачное при селе Мало-Софиевке Гуляйпольской волости, Верхнеднепровского уезда, Екатеринославской губернии.

Из этого старого дворянского гнезда, питомцем «усадебной культуры», и вышел А. С. Лаппо-Данилевский, получив от нее отличную подготовку в разностороннем, широком общем образовании и ряд типичных духовных и бытовых навыков, которыми наложен на весь его облик отпечаток своеобразного аристократизма. Впечатление повышенной родовой и органической культурности, углубленной и утонченной в личном складе его духовной жизни и бытовой обстановки, давалось сразу при первых встречах с ним и только наростало при дальнейшем общении. При большом своеобразии своей индивидуальности, А. С. был несомненно по своему типичен, как выработанный определенной культурой облик.

Отец А. С-ча—вполне типичный представитель своей среды, был в течение нескольких трехлетий уездным предводителем дворянства, а затем (обычная карьера наших дворянских предводителей) вице-губернатором в Симферополе. Детство А. С-ча протекало в «Удачном»; затем—полтора года семья Лаппо-Данилевских провела в Швейцарии; гимназический курс А. С. прожил в Симферополе, окончив его с золотой медалью в 1882 году.

В университет он пришел юношей, полным внутреннего брожения, но, в значительной мере, сложившимся в определен-

ных вкусах и исканиях. Глубоко и неустранимо заложены были в его настроении начала религиозности, не внешней, поверхностной, основанной на привычке к формам традиционной церковности, а глубокой и личной, соединенной с «неослабным стремлением озарить повседневность образом высшего, вечного, стать под покровительство абсолютного начала» [1]). Настроение это, повидимому, рано осознано А. С. Лаппо-Данилевским, как руководящий принцип его мышления, философствовавшего над проблемами бытия и познания, и отразилось в стремлении к «согласованию относительной истины, добываемой наукой, с всеобъемлющей правдой религии» [2]). Отнюдь, однако, не следует разуметь под этой «правдой» что либо догматически-определенное, тем менее — мистическое. А. С. Лаппо-Данилевский во всей духовной работе своей стремился к строго-обоснованному, рациональному мировоззрению, а первичная его религиозная настроенность, находившая свое эмоцио-

---

[1]) И. М. Гревс, Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский («опыт истолкования души»), в шестой книге «Русского Исторического Журнала» (1920 г.), посвященной памяти А. С. Лаппо-Данилевского. Пользуясь для своего очерка статьей И. М. Гревса, не всюду буду ставить ссылки на нее, а лишь при точных цитатах.

[2]) И. М. Гревс, там же.

нальное выражение в весьма ему свойственных проявлениях «вселенского чувства»—по отношению к природе, к миру художественного и идейного творчества, к сфере обще-человеческих связей, отразилась на этой работе мысли тем основным, существенным значением, какое имело для нее представление об «абсолютных ценностях» этического и метафизического характера, таких, например, как «идея долга» или «свобода воли». В этом смысле неустраним морально-догматический элемент во всей работе мысли А. С. Лаппо-Данилевского, направленной на поиски цельного «объединенного познания».

Умственные интересы А. С. Лаппо-Данилевского определились чрезвычайно рано—в годы отрочества, почти детства, в гимназические годы. Область философского образования открылась юному уму, благодаря популярной в те годы «Истории философии» Льюиса. Книгу эту стоит помянуть в истории нашего просвещения; ее упрощенное изложение философских теорий, по своему, удачно разрешало задачу элементарного учебника по истории философии и, в свое время, сыграло для юных поколений роль общедоступного «введения в философию»; можно пожалеть, что русский перевод книги Льюиса, весьма распространенный среди учащихся средней школы в 80-х годах, не заменен до сих

пор соответственной учебной книгой по истории философии, доступной для того же возраста. Для А. С. Лаппо-Данилевского, как для многих его сверстников и для следующих поколений, книга Льюиса была исходной точкой в знакомстве с философскими системами и проблемами. Но у него пошла от этого скромного начала весьма интенсивная и самостоятельная работа в области философского самообразования. Записная книжка его, использованная в упомянутой статье И. М. Гревса, свидетельствует, что в гимназические и студенческие годы А. С. вдумчиво изучал воззрения Платона и Аристотеля, французских мыслителей 18-го века и Канта; но своеобразие его философского умоначертания намечается в связи с особым интересом к позитивизму Конта и Милля. То были годы широкого увлечения «научной» философией позитивизма. А. С. Лаппо-Данилевский был глубоко захвачен этим течением и долго перерабатывал в своем мышлении его воздействие. В дальнейшем увидим, как он вышел на иные пути философского искания. Но в годы созревания его мысли школа позитивизма оформила и укрепила его тягу к научной обоснованности теоретических воззрений и к выяснению их неустранимой связи с восприятием и изучением конкретной действительности. А. С. Лаппо-Данилевский

не пошел в сторону увлечения философией, как основным специальным интересом. В сознательной разработке своих слагавшихся воззрений он не пошел путями построения отвлеченной «системы» и не искал завершения своих идейных исканий в метафизической доктрине, которая выявила бы сущность и характер его мироощущения и общего настроения. Он ищет не догматического изложения своей идеологии, а ее строгого обоснования, притом обоснования, построенного не только логически—на принципе свободы от внутренних противоречий, а «научного» в более конкретном смысле этого слова—на соответствии ее положений реальной действительности мира природной и человеческой жизни. Так связываются в одно неразрывное целое—на всю жизнь—философские интересы А. С. Лаппо-Данилевского с изучениями в области наук исторических.

И эти интересы—исторические в широком смысле слова—также рано определились в ходе духовного развития А. С. Лаппо-Данилевского. Определению и углублению возникшего в нем интереса к истории, повидимому, особенно содействовало увлечение «Историей Греции» Джорджа Грота. Труд Грота, вышедший в свет в 40-х годах 19-го века, составил, как говорится, «эпоху» в историографии, посвя-

щенной изучению античного мира, да и до сих пор, сильно устаревший и по материалу, и по методу, сохраняет значение произведения, знакомство с которым существенно при изучении истории древней Греции [1]). Грот, вооруженный не только широким и гуманитарным, и политико-экономическим образованием, но и практическим знанием как политической жизни, так и хозяйственной деятельности современной ему Англии, дал в своем обширном труде блестящую, оригинальную и живую картину древне-греческой политической жизни—преимущественно, согласно тогдашнему направлению исторической науки, историю государства, не общества, но историю, проникнутую новым тогда, особенно в отношении к античной жизни, духом либерализма и демократизма. Изучение Грота воспитывало понимание связи исторических изучений с углубленным познанием общих вопросов политической и общественной жизни, объединяло интерес к истории с размышлением над проблемами общественной и личной этики.

История раскрывалась перед ищущим молодым умом, как наука о жизни людей, всего человечества, в самых общих и ши-

---

[1]) Ср. о нем В. П. Бузескула «Введение в историю Греции» и С. А. Жебелева «Введение в науку» (История, в. 6).

роких гранях изучения. Естественно направилась мысль А. С. Лаппо-Данилевского в область новой тогда и увлекательной социологии. Руководителями явились — основоположник социологии Ог. Конт и, особенно, Спенсер, а также Тэйлор—в изучении первобытной культуры и через нее исходных начал исторического развития. У А. С. Лаппо-Данилевского существенна не начитанность, разнообразная и широкая. Сам он говаривал позднее, что не умеет просто прочитывать книгу: у него чтение тотчас переходило в работу, сопровождалось выписками и заметками по поводу прочитанного, сопоставлениями и наблюдениями над фактическим и идейным материалом изучаемых трудов. Читал он много, но рано усвоил особую экономию систематичности занятий: выбирал только значительное, существенное для тех или иных очередных своих интересов; но избранную книгу он прочитывал «не менее трех раз», перебирая ее содержание, иногда с разных точек зрения.

3.

Среди недавних откликов на кончину А. С. Лаппо-Данилевского прозвучало со стороны одного из его учеников сожаление, что в попытках на спех закрепить воспоминание об усопшем, «едва-ли сполна

учтено то, что ему дал родной Петербургский университет в своих обоих поколениях и всех группах того времени». Запрос этот едва-ли не безнадежен. А. С. Лаппо-Данилевский, одинокий и замкнутый в напряженной личной работе, не примыкал ни к какой «школе», не был чьим-либо учеником, в подлинном смысле этого слова, да, повидимому, никогда не искал живого общения и личного сближения с кем-либо из университетских преподавателей. В занятиях своих он шел своими путями, подчиняясь внутренней последовательности собственной мысли, и тем, чем стал, был обязан самому себе, упорному самостоятельному кабинетному труду. Эта замкнутость, это одиночество в личном труде—характерная особенность А. С. Лаппо-Данилевского. Углубленный в изучение различных сложных научных и философских проблем, А. С., изучавший жизнь в кабинетной книжной работе, повидимому, мало присматривался к людям. Помню, например, как на отзыв об одном из его сослуживцев-профессоров, с которым он постоянно и часто встречался, что это человек глубоко оригинальный и содержательный, А. С. ответил в каком-то раздумьи: «я его часто вижу, но, представьте себе—его и не заметил». В себя уходившим, в себя погруженным, в свои мысли и изучения, шел он, одинокий, через общение

с окружавшими. К нему естественно применить, с этой стороны, определение, какое гуманисты давали Эразму: homo pro se.

А к личному плану занятий, рано, по всей видимости, сложившемуся у А. С. Лаппо-Данилевского, не подошло, можно сказать, почти ничего из тогдашнего университетского преподавания. Этим, прежде всего, объясняется то обстоятельство, что он остался вне какого-либо влияния крупнейших представителей профессуры своего студенческого времени—В. Г. Васильевского и А. Н. Веселовского. Преподавание русской истории было в руках К. Н. Бестужева-Рюмина и Е. Е. Замысловского, слишком далеких от определившихся исканий А. С. Лаппо-Данилевского, чтобы его привлечь; остался он и вне влияния блестящего преподания В. И. Сергеевича, вероятно потому, что в преподавании этом слишком слабы были элементы историзма и социологизма. Сам А. С. Лаппо-Данилевский (в своей краткой автобиографии) [1]) отмечает только влияние А. Д. Градовского на направление своих исторических изучений; но и это более влияние трудов Градовского (как и Б. Н. Чичерина), чем его личного преподавания.

В годы студенчества А. С. Лаппо-Дани-

---

[1]) «Материалы для биографического словаря действит. членов Академии Наук», ч. I.

левский принадлежал к деятельным участникам «Студенческого Научно-Литературного Общества», организованного под председательством Ор. Ф. Миллера. Не один год был он секретарем его «научного отдела» и выступал в его собраниях с докладами по вопросам теории исторического знания [1]). В этой деятельности студента Лаппо-Данилевского определенно сказались две черты, широко развернувшиеся в нем позднее: стремление к организации коллективной научной работы и тяга к теоретическому анализу вопросов исторической науки. Между прочим, он выступил тут «с оригинальною, самостоятельно построенною им теорией прогресса» [2]); И. М. Гревс отмечает в этих построениях «глубокую уже склонность к теоретическим вопросам обществознания и любовь к симметричным схемам, заимствующим приемы из сферы математического мышления». Однако, к числу «сил, слагавшихся в обще-

---

[1]) И. М. Гревс. «В годы юности», «Былое», № 12, (1919), стр. 82.

[2]) И. М. Гревс. «Русск. Истор. Журнал», кн. 6, стр. 59. Нельзя не пожалеть, что, повидимому, не сохранилось ни текста этого доклада, ни сведений, более конкретных, о докладах в «Н.-Л. Общ.» вообще. А такой материал был бы весьма ценен для выяснения генезиса общих воззрений А. С. Л.-Д. и, в частности, влияния на него теорий Н. К. Михайловского.

стве» [1]), как выражается И. М. Гревс, можно причислить А. С. Лаппо-Данилевского разве весьма условно. Повидимому, несколько особое положение занимал он и в том дружеском кружке, о котором подробно рассказывает в своих воспоминаниях И. М. Гревс, называя его кружком Ф. Ф. Ольденбурга. А. С. Лаппо-Данилевский был слишком «сам по себе», чтобы всецело входить в какую либо кружковую организацию, в какие-либо кружковые настроения. Он и сам это позднее сознательно отмечал, отгораживая себя от всего, что могло нести отпечаток кружковой исключительности, и подчеркивая свою независимость от кружковой communis opinio. Участие в какой бы то ни было групповой жизни (общества или кружка) было для него, как при всяком занятии, связано с делом; оно удовлетворяло его потребность в организации коллективной

---

[1]) Сведения об этом Обществе, сыгравшем такую видную роль в жизни Петербургского Университета, недостаточны и неясны. Ср., например, решительное разногласие в воспоминаниях о его возникновении у И. М. Гревса («Былое», кн. 12, стр. 58—62) и С. Ф. Платонова («Дела и дни», кн. 2, стр. 126—127). Существенно было бы выяснить, какие имеются материалы для документальной истории «Научно-Литературного Общества» и более отчетливо восстановить его возникновение и деятельность.

работы над насаждением в жизни того, что он в себе вырабатывал упорным умственным трудом, научной культуры. Так, позднее, в те годы, когда правительственная власть прервала по полицейско-политическим соображениям деятельность Высших Женских Курсов (1886—1889), А. С. Лаппо-Данилевский принял живое участие в организации университетского преподавания гуманитарных наук для группы девушек, искавших высшего образования, вместе с друзьями из упомянутого кружка бывших деятелей также закрытого правительством Студенческого Научно-Литературного Общества.

Это было вскоре по окончании А. С. Лаппо-Данилевским университета (весной 1886 г.). «Оставленный при университете» по кафедре русской истории для приготовления к профессорскому званию, А. С. Лаппо-Данилевский продолжал с удвоенной интенсивностью свою личную научную работу, но некоторое время отдал и преподаванию в средней школе. Преподавание это мало соответствовало личным свойствам и интересам А. С. Лаппо-Данилевского. Широта его начитанности и подготовки могла, конечно, облегчить ему ту сторону дела, которая заставляет учителя-историка разбрасывать свои занятия ради всегда срочной подготовки материала по различным отделам исторических знаний,

Если учительский стаж часто весьма полезен молодым историкам-специалистам тем, что принудительно расширяет круг их сведений и интересов, то А. С. Лаппо-Данилевскому не было в этом надобности. А специфической жилки педагога в нем, повидимому, вовсе не было. Сосредоточенный на углублении личных своих познаний и их идейной проработке, он был слишком несоизмерим с типом учителя-педагога, отдающегося интересам юного поколения. При глубокой добросовестности и идейном искренном сознании значительности преподавательского дела, он много отдавал ему сил и времени, и вносил в него своеобразную и строго-научную содержательность. Его исключительные познания и редкая работоспособность были использованы для постановки новых задач в той школе, где он был учителем. В старшем классе одной из Петербургских женских гимназий А. С. Лаппо-Данилевский читал курс истории античной культуры по широкой программе, вырабатывая его самостоятельным трудом над первоисточниками, вводил в свое изложение много характерных цитат из лучших произведений древних авторов в собственных, тщательно выработанных переводах, которых не записывал, а приводил по оригинальному тексту, принесенному в класс. Помимо всего содержания, и этот

прием изложения производил сильное впечатление на юную аудиторию; она чувствовала, что имеет дело с ученым, который ничего не говорит с чужих слов, а вносит в преподавание подлинное научное знание. Но, какова бы ни была культурно-педагогическая ценность такого впечатления, в общем преподавание А. С. было для средней школы слишком трудным, а его не могло не тяготить, отвлекая от более насущных личных занятий. Он скоро и отошел от учительской работы.

В те же годы молодой ученый читал курс в том вольном «женском университете», как, полушутя, полусериозно, называли устроители свое упомянутое кружковое преподавание, по предмету, столь же далекому, по обычному представлению, от основной, уже определившейся его специальности—русской истории: по «первобытной культуре»; этим он как бы уплачивал дань широте своих интересов социологического характера.

Не умаляя этой широты, а все ее углубляя и упорядочивая в цельную систему координированных занятий, сосредоточивается А. С. Лаппо-Данилевский на ученой работе. Занятия, с нею не связанные, отпадают. Рано входит он в устойчивую колею жизни ученого и преподавателя высшей школы.

4.

К университетскому преподаванию А. С. Лаппо-Данилевский приступил, как только закончил подготовительный период своей самостоятельной научной работы защитой магистерской диссертации 9 мая 1890 года. Именно такое значение имели в общем ходе его личной работы, к обзору которой вернемся ниже, первые годы по окончании университета и эта первая крупная работа—диссертация. Первые его приват-доцентские курсы 1890—91 и 1891—92 годов по истории сословий прошли в своеобразной «приват-доцентской» обстановке: при двух постоянных слушателях (покойный Л. К. Куманин и Пресняков) и лишь иногда случайных третьем или четвертом; случалось и так, что А. С. на предупреждение, что один только пришел, отвечал с улыбкой: «если не имеете в виду чего-либо лучшего, я лекцию Вам прочту». Строго исполнительный, сам он лекций не пропускал, и нес свою большую работу по первоисточникам, свой научный специальный курс этой скудной воспринимающими силами аудитории. Но, с третьего года А. С. Лаппо-Данилевский в курсах по «истории России в 18 столетии», по «методам изучения источников и явлений русской истории», по русской историогра-

фии нашел себя, нашел и свою аудиторию.

В университет вошла крупная научно-преподавательская сила. И тогда же, с 1891 года, А. С. Лаппо-Данилевский стал профессором Историко-Филологического Института, где читал общий курс русской истории, своеобразно построенный. В университете он никогда не читал общего курса; да и вообще, исторические курсы, в собственном смысле слова, заняли весьма небольшое место в его университетском преподавании: кроме первых, упомянутых выше, он, за все время своей преподавательской деятельности, прочел в 90-х годах еще «Историю древне-русского народного хозяйства», и двухлетний курс по «Истории русского общества 18 столетия». Редко обращался он и к практическим занятиям по русской истории (по «Русской Правде», «Наказу имп. Екатерины II», по «Учреждению о губерниях», по истории крепостного права). Его заняли, преимущественно, курсы и занятия по русской историографии, по методологии исторической науки, по дипломатике русских актов. Не русская история сама по себе, а теория и методология исторической науки (на русском материале) заняли господствующее положение в преподавании А. С. Лаппо-Данилевского.

Необычайное направление этого препо-

давания объясняет отчасти своеобразие положения А. С. Лаппо-Данилевского в университетской (факультетской) среде, которое в общем было ему тягостно. Он, можно сказать, не вошел в историческую школу Петроградского университета, а поставил рядом с ней свою особую, казавшуюся многим не исторической, а теоретической, выпадавшей из строя факультетского преподавания русской истории. С этим преподаванием были связаны только чтения А. С. Лаппо-Данилевского по русской историографии (курс обязательный, периодически повторявшийся по поручению факультета); в остальном он вел свою, обособленную и оригинальную линию. Только с 1906 года ему был поручен факультетом другой курс, основной и в его личном преподавании: методология истории, связанный не с русской историей, а с историческим преподаванием вообще.

А. С. Лаппо-Данилевский так и остался до конца дней своих вне факультета, на ролях «приват-доцента». Членом факультета, полноправным и влиятельным в направлении факультетской деятельности он так и не стал, вопреки крупнейшему значению, какое он рано приобрел в деле научного преподавания по отношению к лучшим силам студенчества, притом не одного только историко-филологического факультета.

Не вошел А. С. Лаппо-Данилевский и в бытовую жизнь факультетской среды. В молодые годы—по окончании университета, он примкнул к «кружку русских историков», собрания которого для научной беседы и чтения рефератов происходили в дружеском общении с 1884 года. В кружке этом принимали участие С. Ф. Платонов, В. Г. Дружинин, И. А. Шляпкин, М. А. Дьяконов, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. Д. Чечулин, С. М. Середонин, Н. М. Бубнов, Е. Фр. Шмурло и др. Однако, А. С. Лаппо-Данилевский со временем отошел от этого кружка, даже разошелся с ним. Это было отчасти расхождением с «русскими историками» того более близкого А. С. Лаппо-Данилевскому кружка, к которому принадлежали братья Ольденбурги, И. М. Гревс и другие, отчасти и личным отчуждением его от дружеской среды, в которой центральным лицом был и остался С. Ф. Платонов.

Сам А. С. Лаппо-Данилевский позднее характерно пояснял это отчуждение тем психологическим моментом, что ему тягостно чрезмерное слияние и сплетение личной близости с деловым научным общением; а такую близость трудно было ему поддерживать вообще, а тем более с людьми иного темперамента, иных воззрений и настроений. Только тем, кто более или менее близко входил в его интересы, в его

всегда приподнятое, до аскетизма строгое, идейно-принципиальное научное настроение, было с ним легко и отрадно; для таких, преимущественно младших и подчинявшихся его влиянию или бережно его ценивших, открывались отзывчивые и благожелательные стороны его натуры, озарявшие суровый корректный облик доброй улыбкой.

Эти биографические черты существенно иметь в виду для полного, по возможности, понимания хода научной работы А. С. Лаппо-Данилевского, не только во внешних ее судьбах, но и в ее внутреннем характере, а тем более для объяснения особого его положения в академической жизни. Он жил уединенно, в тесном кругу, и вел свою упорную работу. Развиваясь в напряженном труде из самой себя, работа эта была слишком одинокой: А. С., глубоко изучая историю тех наук, которыми занимался, точно избегал соприкосновения с ходом мысли своих современников, точно уклонялся от живого с нею общения.

Одним из поразительных проявлений этого своеобразного ученого одиночества, можно назвать полное отсутствие в его трудах какого-либо отношения к той исторической школе, которая в его время несла в науку русской истории новые плодотворные искания и веяния,—к москов-

ской школе В. О. Ключевского [1]). В общих своих воззрениях (философских и исторических) А. С. Лаппо-Данилевский сложился и вырос на старых, традиционных корнях—и это не мало усиливало обособленность в кипевшей кругом него иной жизни, полной иных, ему чуждых исканий. И при всем том, ему выпало на долю раннее и полное признание. В профессорской среде начало его преподавания было встречено оценкой, упредившей образование отзывчивой студенческой аудитории. В те годы проф. С. Ф. Платонов уже советовал своим ученикам, в ряду указаний, как заниматься: «слушайте доцента Лаппо-Данилевского». В. Г. Васильевский в шутливой форме выразил свое признание многогранной учености и типичной академичности молодого доцента, называя его «врожденно предназначенным в академики», и при первой возможности провел его в состав действительных членов Академии Наук (с 1899 г. адъюнкт, с 1902 г. экстраординарный, с 1905 г. ординарный академик). И старшее поколение университет-

---

[1]) Статья об «Исторических взглядах В. О. Ключевского» (Вест. Европы, 1911 г., кн. 8 и в сборнике: «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания», М. (1912) своим внешним обзором этих «взглядов» лишь поясняет эту чуждость А. С. Л.-Д. московской школе, которая не имела на него никакого влияния и в молодые годы.

ской молодежи — группа оставленных при университете и старших студентов, задумавшая хотя бы частично возродить «Научно-Литературное общество», не в обще-университетском размере, а только в пределах своего факультета, единогласно избрала, А. С. Лаппо-Данилевского председателем и руководителем научного кружка, собрания которого оффициально именовались «беседами по предметам факультетского преподавания». Через 15 лет, когда жизнь этих «бесед» заглохла, в 1909 году их сменил «Исторический кружок» под руководительством А. С. Лаппо-Данилевского, кружок, десятилетие которого (15 апреля 1919 года) роковым образом обратилось в собрание «Исторического кружка имени А. С. Лаппо-Данилевского», посвященное его памяти (скончался 7 февраля 1919 г.). Так группировались вокруг А. С. наиболее зрелые и серьезно настроенные молодые ученые силы. Руководя их собраниями, А. С. вносил в их среду и в их общение то начало повышенной научной культурности, которое имело прочное влияние на слагавшиеся индивидуальности молодежи и создавало в ее среде особую прочную традицию. Еще глубже было значение «семинария» А. С. Лаппо-Данилевского. Основными темами семинарских занятий А. С. Лаппо-Данилевского были вопросы методологии исторической науки и

обществоведения, а также дипломатика частных актов Московского периода. Семинарий по методологии возник раньше и имел свою особую судьбу. Первый опыт чтения курса по методологии А. С. сделал в 1894 — 95 г.г.; тогда-же, еще не решаясь объявить в университете практические занятия по общим вопросам методологии, он вел (по почину И. М. Гревса) в течение нескольких месяцев беседы на темы по основным принципам обществоведения в небольшом кружке сверстников и младших сотоварищей по факультету (И. М. Гревс, А. А. Кауфман, И. И. Лапшин, М. А. Полиевктов, А. Е. Пресняков и др.); такая «аудитория» не могла, конечно, стать прочной: она, думается, слишком осложняла задачу А. С. Лаппо-Данилевского— построить свою методологическую систему, запросами и сомнениями, исходившими из иных предпосылок, чем те, на какие он опирался. С 1897—98 гг. и до конца дней своих А. С. Лаппо-Данилевский из года в год ведет в университете занятия по методологии (вернее сказать: по теории обществоведения [1]). Через этот многосо-

[1]) Когда факультет в 1906 г. установил обязательный курс по методологии истории и поручил его А. С. Лаппо-Данилевскому, А. С. находил название неудачным и высказывал большое неудовольствие, что все обсуждение и решение вопроса об этом курсе проведено без его личного участия.

держательный семинарий прошел ряд поколений (небольшими, конечно, группами по количеству участников) не только историков, но также молодых специалистов по философии и юристов. Тут рассматривались вопросы по систематике социальных явлений «разных порядков» и «разных степеней», по анализу «простейших социальных взаимодействий», по логике общественных и исторических наук, подвергались критическому рассмотрению типичные воззрения в области классификации наук, учений об эволюции, об инстинкте, о ценности, о случайности, о проблеме «чужого я» и т. п.; по каждому вопросу А. С. давал обстоятельное введение в виде историко-философского или систематического очерка [1]). Совокупность этих занятий создавала в университете особую школу по философии общественных наук, значительную и влиятельную по ее воздействию на молодые поколения, выходившую при том за пределы историко-филологического факультета [2]).

---

[1]) Об этих занятиях ср. статью Т. И. Райнова: О философских взглядах и педагогических приемах А. С. Лаппо-Данилевского (Ж. М-ства Нар. Просв., 1915 г., кн. 3).

[2]) «Кажется», пишет Н. В. Болдырев, «никого нет среди философов молодых поколений в Петербурге, кто не прошел бы через его школу» («Мысль», кн. I, 1922 г.).

Семинарий такого типа был, конечно, весьма далек от характера обычных учебных и «зачетных» практических занятий; он требовал от участников повышенной подготовки и научно-рабочей настроенности. Тесная связь с собственными, широко задуманными и широко осуществляемыми занятиями руководителя превращала этот семинарий в своего рода мастерскую авторитетного ученого, где ученики участвуют по мере сил своих в его планомерной работе. А. С. Лаппо-Данилевский ставил перед учениками те самые задачи, которые были очередными в его личных занятиях, раскрывая перед ними те методологические приемы, какими сам работал. И его влияние—определило для многих из них—самые приемы их мышления и даже всю их философско-этическую и научную настроенность. На ряду с неизбежными мелькающими только и преходящими элементами аудитории (таких тут бывало весьма немного), слагалась постепенно основная устойчивая группа подлинных учеников А. С. Лаппо-Данилевского, годами работавших под его руководством, а часто сохранявших идейное общение с ним и по окончании университета.

Еще глубже и устойчивее было такое же значение семинария по дипломатике частных актов. Его участники еще глубже, ближе вводились в ход научной ра-

боты своего руководителя [1]). Поставлена была большая и вполне новая для русской исторической науки задача систематического изучения мало разработанного материала частно-правовых актов, этих памятников гражданского правооборота. А. С. Лаппо-Данилевский не раз указывал на особую значительность этого материала, наименее использованного для исторического изучения прошлого. Недостаточной его разработкой и недоступностью его для систематического использования при построении представлений о строе общественной жизни прошлых веков, объяснял он одностороннее преобладание в нашей историографии истории политической и изучения государственного строя, скудость научной литературы по истории гражданского права и гражданского общественного быта. Обогащение и углубление исторической науки исследованием взаимодействия между социальными явлениями разных порядков требовало тщательного обследования и предварительного изучения обширного материала частных актов.

Задача была новой и сложной. Предстояло собирание материала, разбросанного по множеству разных изданий (а в

---

[1]) Об этом семинарии см. «Воспоминание ученика» С. Н. Валка в «Русск. Историч. Журнале», кн. 6 (1920).

массе еще и не изданного), его описание, классификация, определение его путем внимательного анализа и осторожного обобщения поставленных на нем наблюдений. Мало того, дипломатику частных актов, почти не затронутую в русской научной литературе, да очень мало разработанную в европейской археографии, приходилось создавать за ново. И эту сложную задачу, как требующую по самому существу многолетней коллективной работы, поставил А. С. Лаппо-Данилевский перед своим семинарием. Так создалась своеобразная научная лаборатория, в которой группа учеников А. С. Лаппо-Данилевского трудилась вместе с ним над большим научным заданием в течение ряда лет. Строгость научного метода, безукоризненная тщательность отделки, вдумчивая оценка изучаемого материала воспитывали научное настроение высокого напряжения, выковывали традицию, которой весьма дорожил А. С. Лаппо-Данилевский, непрерывного коллективного научного труда: «свеча бы не угасла», как сказал он однажды словами старой грамоты. На специальной задаче, требовавшей особо тщательного изучения всех деталей и осторожного синтеза полученных наблюдений, вырабатывалось уважение к источникам, то «блюдение материала» и выдержанного метода, которое одно только и вырабатывает «психо-

логию научной уверенности, твердой научной устойчивости» [1]).

5.

По существу, семинарские работы эти тесно связаны с деятельностью А. С. Лаппо-Данилевского в Академии Наук [2]). По избрании своем в члены Академии, А. С. отказался от профессуры в Историко-Филологическом Институте. Он полагал, что избрание в Академию требует посвящения академической работе всех сил. Преподавание, не связанное непосредственно с научно-исследовательскими задачами, подверглось еще раз решительному сокращению. Но университетские занятия А. С. Лаппо-Данилевский сохранил за собой. Это были две ступени одного дела: основная научная работа производится в ученых учреждениях, а высшая школа должна воспитывать научных работников. И он воспитывал их не на обычных заданиях учебного характера, а на работе над большим научным предприятием. С группой учеников, питомцев своего семинария, А. С. предпринял кропотливую библиографиче-

---

[1]) «Воспоминание» С. Н. Валка.

[2]) С. Ф. Ольденбург. Работа А. С. Лаппо-Данилевского в Академии Наук («Русс. Ист. Журнал.», кн. 6).

скую работу по составлению научного каталога изданных актов Московского периода. «Научный» каталог возможен только по отношению к выясненному, изученному материалу: библиографическая работа тесно связывается с изучением дипломатики актов и их классификацией. Это—подготовительная работа к систематическому изданию актов. Покончив в Академии с неудачно-поставленным до избрания в академики А. С. Лаппо-Данилевского изданием «Актов Московского Государства», А. С. выступает с широким «планом издания архивных документов 16—18 веков». К январю 1901 г. относится его записка: «План издания сборника частных и правительственных великорусских актов 14—18 в.в.», основанная на внимательном изучении постановки таких ученых предприятий за границей. Тщательно взвесив очередные потребности русской исторической науки, А. С. остановился на проекте издания обширного фонда «Грамот Коллегии Экономии». Многолетняя работа над подготовкой к печати этого издания связана с последовательной разработкой, с одной стороны, ряда вопросов по дипломатике актов, а с другой, приемов их издания. Необычно подробная и сложная отделка этих приемов запечатлена в отпечатанном своде правил издания грамот Коллегии Экономии, а самое издание 1-го их тома

выходит в свет только теперь, после смерти его инициатора и организатора.

В упомянутой записке об издании актов А. С. Лаппо-Данилевский противопоставил планомерную организацию архивно-издательской работы в Германии ее случайному ходу, часто обусловленному личными вкусами отдельных исследователей у нас. Проникнутый сознанием необходимости организованной планомерной постановки крупных научных предприятий, А. С. Лаппо-Данилевский поставил на первый план в своей деятельности служение этой идее. Ей принес он многое в жертву, отдавая много сил и времени налаживанию традиции коллективной работы, с неизбежным, конечно, ущербом для личной работы, от которой приходилось постоянно отрываться. В университете А. С. был не только руководителем исторического кружка, но состоял председателем секции русской истории Исторического Общества с первого дня ее учреждения (1903 г.); и он действительно руководил ее занятиями, заботясь о непрерывном течении ее заседаний (ежемесячных) и их организуя (до составления повесток включительно); вникал он в содержание каждого доклада, а в своих председательских résumés давал всегда ценные указания на вопросы и материалы, подлежащие обследованию, или высказывал общие соображения, которые

могли бы сыграть руководящую роль в постановке тех или иных монографических изучений [1]). В начале существования этой «секции», А. С. пытался наладить определенную коллективную работу—по критической библиографии текущей научной литературы, но эта излюбленная его мысль не осуществилась, подорванная отчасти затруднительностью налаживания добровольческого труда занятых людей, отчасти и российским неуменьем коллективно и планомерно работать.

Авторитетным и деятельным участником коллективной научной работы был А. С. Лаппо-Данилевский (с 1894 г.) в составе Археографической Комиссии; ближайшей областью ее дела было для него изучение и издание актового материала. Если главная его деятельность в этой области лежала вне Комиссии, то и тут А. С. постоянно входил в рассмотрение плана и приемов каждого научного предприятия по части описания или публикации актов, и сам принимал на себя редактирование ряда изданий. Однако, как было выше упомянуто, основная археографическая работа А. С. Лаппо-Данилевского стояла в

---

[1]) Не мало таких ценных замечаний А. С. по разным историческим вопросам сохранили протоколы «секции», издаваемые в «Историческом Обозрении».

связи не с Археографической Комиссией, а с Академией Наук. Здесь он нашел прочную опору для опытов постановки крупных научных предприятий, особенно в связи с учреждением в 1902 г. «Постоянной Исторической Комиссии». Кроме особенно ему близкого дела — издания «Сборника Грамот Коллегии Экономии», А. С. создает широкий план серии «Памятников русского законодательства 17—19 в.в.»; по его мысли, возникшей еще в секции русской истории Исторического Общества, а затем переданной в Академию, учреждена особая комиссия для издания писем и бумаг М. М. Сперанского; А. С. наблюдает за ходом работ по изданию «Писем и бумаг Петра Великого», руководит разысканиями ученого корреспондента в Риме и публикацией их результатов. Широко задуманные и тщательно подготовляемые предприятия эти осуществлялись медленно и осуществлены в опубликованных томах лишь в небольшой степени. Масса труда и знания, затрачиваемые на них А. С. Лаппо-Данилевским, то и дело разбивалась о неодолимые препятствия, прежде всего—о ничтожество средств, какие отпускались на ученую работу и научные издания. Затягивала дело и крайняя требовательность А. С-ча к самому себе и ко всей постановке работы. Разбираясь с большим вни-

манием и усердной добросовестностью в рукописном наследии А. А. Куника, А. С. метко объяснил обилие в этом наследии недоделанных дел тем, что Куник «взял себе за правило особенно подозрительно относиться к самому себе», так что его стремление возможно лучше подготовить печатаемые труды (свои и чужие) «иногда вредно отражалось на ходе руководимого им издания». И прав С. Ф. Ольденбург, применяя те же слова к самому А. С-чу, у которого крайняя ученая щепетильность нередко переходила в мучительную нерешительность предать работу,—по существу готовую,—типографскому станку. За то крепкие и строго продуманные закладывались основы подлинно научной постановки дальнейшей издательской и исследовательской работы.

6.

С деятельностью академика Лаппо-Данилевского связано и еще одно организационное дело, которому суждено было стать последним научно-общественным делом, его захватившим. Это—судьбы архивного дела в России. Практически А. С. встретился с ним впервые вне Академии, в качестве члена «Императорского Русского Исторического Общества». Избран он был

в состав этого своеобразного учреждения [1]) в 1914 году, вошел в особую «комиссию для обсуждения мер, касающихся порядка сохранения местных архивных материалов» и стал (после кончины С. М. Середонина) ее секретарем. Задачей комиссии было упорядочение положения и деятельности губернских архивных комиссий, объединение их работы, как органов собирания и охраны ценных архивных материалов. Много потрудился А. С. Лаппо-Данилевский над выяснением положения архивного дела во всех углах России и над попытками более рациональной и прочной его постановки. Дело это было затем, по его почину, принято в ведение Академии Наук, в заседаниях которой он неоднократно докладывал сводку сведений о деятельности архивных комиссий. Как всегда, он и в этом деле погружается в его научные основы и выступает компетентным представителем научного архивоведения. Естественно, что в годину революционной разрухи, отразившейся так грозно на судьбе наших архивов, все, кому дороги были исторические материалы, потянулись к А. С-чу и объ-

---

[1]) О нем см. юбилейное издание: «Императорское Русское Историческое Общество 1866—1916». Петр., 1916; здесь А. С. Лаппо-Данилевским написана III глава: «Участие Общества в правильной постановке архивного дела в России».

единились вокруг него в «Союзе архивных деятелей» [1]). Ему рисовалась широкая деятельность «Союза», как общественной организации с государственными полномочиями по заведыванию архивным делом с целью коренного его преобразования. Когда же, с учреждением Главного управления архивным делом, правительственного учреждения в составе комиссариата народного просвещения, вопрос о заведывании архивами и их организацией, как единого государственного архивного фонда, был поставлен в иной плоскости [2]), А. С. вошел в состав совета Главархива, как представитель Академии Наук, и принял деятельное участие в разработке основ архивной реформы. Впрочем, он скоро отошел от этого дела, по мере все бо́льшей его бюрократизации, и сосредоточил внимание на «Союзе», как ученом обществе для разработки вопросов научного архивоведения.

Постоянное стремление А. С. Лаппо-Данилевского, столь для него характерное, к широкой и планомерной организации научной работы, сказалось и в нескольких попытках наладить широкое научное обще-

---

[1]) О нем см. «Исторический Архив», кн. 1 (1919 г.), стр. 516—520.

[2]) Об этой реформе см. статью А. С. Николаева (там же); ср. мою статью «Реформа архивного дела», в «Русск. Ист. Журнале», кн. 5.

ние деятелей исторической науки. В 1913 г., по его почину созван Академией «предварительный съезд» русских историков, который должен был положить начало периодическим съездам такого рода, на подобие археологических съездов. Деятельно участвовал А. С. и в международных сношениях Академии Наук, не только как ее представитель на международных конгрессах (Берлин 1908, Лондон 1913), но и как член Международного Социологического Института и Международной Ассоциации Академий; он был деятельным участником в разработке организационных статутов этой Ассоциации и ожидал от нее плодотворной постановки ряда крупных научных предприятий — библиографических, издательских и исследовательских — в международном масштабе, с должной полнотой плана и объединенностью потребных для того сил и средств. На Лондонском съезде А. С. взял на себя почин назначения Петрограда местом будущего международного исторического съезда и стал во главе организационного комитета для его подготовки к 1918 году. Работы комитета, намечавшего программу съезда стали сразу весьма содержательными, но мечте А. С. не суждено было исполниться. Мировая война смела все возможности не только международного, но и всероссийского ученого общения, а тем

более — объединения. Обстановка военного времени, а затем революционного кризиса глубоко потрясла развитие той научной культуры, которой видным носителем и активным деятелем был А. С. Лаппо-Данилевский. От политической жизни он стоял всегда далеко, не отказываясь, впрочем, от выполнения того, что считал гражданским долгом, когда, например, его привлекали к защите земских учреждений, которым грозила серьезная опасность в эпоху Витте—Горемыкина, или к выработке избирательного закона для созыва Учредительного Собрания—в эпоху Временного Правительства. Он готов был служить своими познаниями, когда это было нужно. Добросовестно отнесся он и к обязанности члена Государственного Совета по избранию от академической курии, хотя крайне тяготился мертвенной пустотой и косностью этого учреждения. С речью в Совете он, кажется, только раз выступал—в защиту отмены смертной казни. И при первой возможности сложил с себя тяготившее его звание. Буря революции не вывела А. С. Лаппо-Данилевского из научной, академической сферы. Но крайне тягостно переживал он распад той культуры, которая его вскормила, и подрыв многого в той традиции, которая, при всей ее исторической условности, была носительницей дорогих ему «абсолютных ценностей». И

когда заболевание, казавшееся случайным и не грозным, унесло его из жизни (7 февраля (ст. ст.) 1919 г.), у близко его знавших осталось смутное чувство связи этой безвременной кончины с историческим моментом. Носитель глубоких культурных традиций не вынес их трагичной ломки.

7.

Вся преподавательская и организаторская деятельность А. С. Лаппо-Данилевского обусловлена выдержанным цельным воззрением на задачи и значение науки. Эта деятельность была отражением непрерывной, упорной и настойчивой внутренней работы его мысли, общее направление которой можно бы назвать борьбой за цельность личного мировоззрения. Как ни широко развертывались умственные интересы А. С., как ни разнообразны были его научные занятия, его ученая работа была, по существу, единым целым, внутренно спаянным общей идеей, широким замыслом, который предстояло осуществить в труде целой жизни. Замысел был крайне сложен, конечная цель исканий была недостижима, а неуклонное стремление к полному, безусловному ее достижению переживалось, как неустранимая внутренняя потребность, и более того, как нравственно должное.

А. С. Лаппо-Данилевский «жил в атмосфере неисполнимых заданий» [1]).

Эта наиболее общая характерная черта его духовного склада кладет особую печать на всю его работу, на всю его жизнь, на всю его личность. Он жил только наукой и для науки. Науку он определяет, как «объединенную систему понятий, охватывающих возможно больше данных нашего опыта». Ее идеал — исчерпывающая полнота отражения действительности в понятиях и совершенная согласованность понятий в цельной системе мировоззрения. Неуклонное стремление к такому идеалу знания «несет в себе почти трагическую трудность» слияния философствования над общими вопросами познания с подлинной научностью конкретного исследования,— трудность, которая «становится в противоречие с самой глубокой чертой человеческой природы, с ее ограниченностью» [2]). А. С. избрал делом своей жизни определенную научную специальность — русскую историю, но он подходил к ней со сложными теоретическими запросами и такими

---

[1]) Н. В. Болдырев, «А. С. Лаппо-Данилевский» — в журнале «Мысль», кн. I (1922 г.).

[2]) Указ. статья Н. В. Болдырева; Н. В. Болдырев связывает этот «трагизм» изложения А. С. Л.-Д-го с его «критицизмом», но данная черта выявилась раньше, еще в догматический период развития А. С. Л.-Д.

требованиями систематической полноты изучения и безусловной, до конца обоснованной достоверности, что радость все ширящегося изучения исторической жизни и постепенного воскрешения прошлого в ясных о нем представлениях была глубоко отравлена строгим сознанием относительности и неполноты постижения. Редко встречается такая глубокая, неустранимая потребность в цельном и до конца обоснованном познании, как та, которой жил и мучился А. С. Лаппо-Данилевский. Только зная особый, исключительный характер этой его черты, поймешь многие особенности его духовной жизни и научной работы, поймешь и те заключительные строки предисловия к его магистерской диссертации, которые так поражали и поражают читателей этой книги—ученого исследования об «Организации прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» (1890 г.). В этих строках молодой ученый объяснял и оправдывал свое выступление на научном поприще «искренним желанием изучать те или другие явления без всяких предубеждений, стремлением к истине, стремлением, в силу которого душа болезненно рвется на простор, хотя и прикована тяжелыми цепями к миру конкретных представлений, сознание мучительно бьется в железной клетке, но согревается надеждой когда-либо вы-

лететь на чистый воздух, возвратиться на лоно природы и отождествить свое я с мировым бытием». Тут со смущающей нескромного читателя безоглядной искренностью и тяжким надрывом, высказаны те борения его духа и мысли, которыми определялось его личное отношение к научным и философским проблемам. Работа над этими проблемами не была для него делом внешним, обособленным от интимнейших личных душевных запросов и переживаний. Под внешне суровым и замкнутым в себе обликом ученого специалиста, жила тревожной и напряженной жизнью натура, жадно искавшая цельности и полноты сознания, овладевающего в стройной системе ясных и обоснованных понятий всеми впечатлениями бытия, свободного от всякой двойственности, свободного от психологических противоречий чувства и от логических противоречий мысли. Ощущение недостижимости такого идеала навевало, в духе религиозной традиции, мысли о его достижении в каком-то потустороннем мире, однако—конкретном, живом жизнью «мирового бытия». Но эти порывы личного настроения в область метафизики не отвлекли А. С. от научной работы, а их неудовлетворенность, ощущение которой его никогда не покидало, не сделала научную работу областью, куда он уходил от мучительных исканий философской истины.

Он, напротив, сознательно и упорно работает над сочетанием в себе философа и историка, и это сочетание наложило особый отпечаток на всю его научную деятельность. Иначе и не могло быть. Сложный теоретический подход ко всякому вопросу научного исследования был неустранимой особенностью его мышления и обусловлен интимнейшими свойствами его индивидуальности. Его мысль шла всегда от общего к частному, от общих задач мировоззрения и теоретических предпосылок к конкретным заданиям научного исследования. Понятно, что близким наблюдателям хода его развития казалось, что «постепенно, можно сказать, философ в А. С. Лаппо-Данилевском начал преодолевать историка» [1]), хотя, на деле, исторические изучения были столь же необходимым элементом его философствования, как и обратно, — работа философствующей мысли обслуживала труд историка и отвечала на его запросы. «Наука должна быть объединенным знанием»—в этом ее связь с философией; философия должна служить цельному удовлетворению познавательных интересов — в этом ее связь с научным изучением действительности.

В итоге А. С. Лаппо-Данилевский принял на себя иго неудобоносимое. Созна-

[1]) Замечание И. М. Гревса.

тельно определив руководящее значение в научной работе «философского начала», он, по выражению Н. В. Болдырева, «возложил его на себя, как жизненный крест». Именно—жизненный, так как метким надо признать и другое замечание Болдырева, когда он говорит о «жизненном в себе воплощении философской мысли» у А. С—ча. В постоянном искании путей к «чистой» истине, не искаженной ошибками мысли и восприятия, А. С. переживал это искание с необычайной напряженностью взволнованного чувства. Часто поражал он тех, кому привелось общаться с ним на почве этих исканий, своим особым отношением к обсуждению тех или иных исторических или философских вопросов, хотя бы самых «специальных» и «отвлеченных». Это были для него поистине «проклятые» вопросы, раз приходилось останавливаться перед ними в сомнении и недоумении. Примириться с неразрешенностью и неразрешимостью какой-либо задачи А. С. органически не мог. Потребность в цельном, доведенном до конца познании представлялась ему моральным долгом. Он мог поэтому резко осуждать мнение, что лучше оставить вопрос открытым, остановиться в изучении на вопросительном знаке, чем заполнять недостаток сведений и данных для определенного ответа, предположениями: ему чуялось тут недопустимое

равнодушие к законченности изучения, непростительный индиферентизм к построению цельности знания, возмутительное примирение с ограниченностью, которая должна быть преодолена. Обсуждение вопросов, критический анализ которых грозил, казалось, нарушить цельность философского воззрения, например, о приложимости идеи эволюции к априорным формам сознания, могло вызвать у него глубокий вздох и горькое восклицание: «какие это тяжелые вопросы». Такое личное отношение А. С. Лаппо-Данилевского к вопросам, существенным для его философских и исторических воззрений, заставляло его переживать с исключительной остротой проблему точности и достоверности нашего знания во всех ее применениях к конкретным задачам науки. Стремление к истине «без всяких предубеждений» было для него суровым требованием научного долга, а поэтому он воспринимал всякое проявление зависимости сознательной мысли от иррациональных условий нашей внутренней жизни—традиционного уклона симпатий и интересов, привычных настроений, навеянных средой и воспитанием и т. п.,—как черту рокового бессилия и моральный дефект. Так, например, возражение против высказанной им положительной оценки «прогрессивного» влияния дворянства на правительственную деятельность Екате-

рины II могло навести его на полное тревожной грусти размышление о том, как трудно дается полное освобождение мышления от личных и сословных пристрастий и предрассудков. Истина, которой он искал, должна была быть вполне свободной от какого-либо субъективизма, от всякой эмоциональной окраски. «Под истиной (читаем в записной книжке молодых лет) я разумею логическую мысль, мысль строгую, бесстрастную, безмятежную, но и безнадежную». И это ощущение «безнадежности» строго рациональной логической мысли усиливалось у А. С. нараставшим по мере работы сознанием недостижимости идеала вполне осознанного рационального познания исторической действительности. Суровая дисциплина научной мысли, какую он в себе вырабатывал, подчас тяготила его, и бывали минуты, когда он переживал малодушную жажду уйти из под ее ига и отдаться игре лирических элементов своей натуры в музыкальном творчестве: в расцвете научной работы, ученый академик иногда сомневался, прав ли он был перед собой, когда избрал путь науки, а не пошел в консерваторию!

Можно, пожалуй, сказать, что такая натура нашла бы успокоение в уверенной преданности определенной догматической системе воззрений — по существу религиозно-метафизических. Но А. С. Лаппо-

Данилевскому такое успокоение не было доступно. Его философское развитие шло иным путем—от догматизма к критицизму, а причиной такого направления была основная потребность—сочетать научную обоснованность системы понятий об изучаемой действительности с широтой и глубиной удовлетворения нравственных запросов в цельном и стройном мировоззрении.

8.

В молодые годы исследовательская и философствующая мысль А. С. Лаппо-Данилевского росла под знаком позитивизма. Заметки студенческой записной книжки, как некоторые позднейшие ссылки в этюде об Огюсте Конте и в «Методологии» наводят на заключение о пережитом значительном влиянии Н. К. Михайловского. Темы учения о «правде-истине» и о «борьбе за индивидуальность», переработанные и видоизмененные, живут во всех философских и социологических размышлениях и построениях А. С. Лаппо-Данилевского. Еще значительнее и глубже черты влияния Огюста Конта. Философию О. Конта А. С. Лаппо-Данилевский изучал вдумчиво и конгениально: она служила некоторое время опорой его работы над осознанием и систематизацией собственных исканий. На ней вы-

рабатывал А. С. Лаппо-Данилевский свое понимание неразрывной связи между философскими проблемами и научным знанием, свою руководящую идею «объединенного знания», погружаясь в классификацию наук, как путь к системе цельного, всеобъемлющего познания действительности. Широко развернулись его научные интересы, устремленные на то, чтобы обнять в своем мышлении все основное в научном познании, его проблемах и методах. Наряду с изучением наук юридических и экономических, идет систематическое изучение философии, психологии, антропологии и математики; в частности, по отношению к этой последней, А. С. самостоятельно проработал полный курс математического факультета, обсуждая с лучшими специалистами наиболее сложные математические вопросы, например, по теории вероятности, по теории чисел и т. п. И. М. Гревс вспоминает о пережитой А. С. Лаппо-Данилевским полосе увлечения символизацией идей всякого рода—философских, исторических, моральных—и графическим изображением хода их развития и их взаимоотношений. Пробовал он применять эти приемы при изложении некоторых вопросов теории исторического процесса в первых своих курсах по методологии истории, вычерчивая на доске кривые развития разных сторон исторического процесса и

откладывая на координатах условные единицы их взаимоотношений. Он говорил о «независимых переменных» в общественных явлениях, о человеке, как «интеграле» ряда изменяющихся элементов и т. д. Эта внешняя оболочка изложения соответствовала основному содержанию курса. Можно пожалеть, что не сохранилось, повидимому, текста этой первой редакции курса методологии. Он по существу отличался от позднейших: в основу был положен позитивизм Конта и Милля, труды которых и указывались аудитории, как основные пособия. А параллельно этим занятиям шло углубленное изучение истории наук, область, в которой А. С. был несомненно одним из наиболее разносторонних и сведущих знатоков. И вся эта разносторонность была цельной, систематичной, подобранной в себе: А. С. никогда не «разбрасывался», его разносторонность не была бессвязной или связанной лишь эмоционально, вела не к всесторонней образованности, а к многогранной учености: ни в одной области знания, затронутой его изучениями, А. С. не был диллетантом.

С «контизмом» были связаны, далее, и наиболее дорогие субъективные идеологические искания А. С. Лаппо-Данилевского. «Положительная религия» О. Конта, его «религия человечества и человечности» была ему близка и понятна. На позитивистиче-

ской основе оформлена метафизическая идея, руководившая его построением теории исторического процесса. Основной формальной особенностью этого процесса А. С. признал наростание «координации факторов», углубление закономерности процесса, полагая, что «в истории связь последующих периодов с предыдущими» растет и крепнет так, что «сменяющиеся периоды более сходны в поздние века», а координация различных сторон исторической жизни, их взаимодействие все углубляется и расширяется. Такое, наиболее общее представление о свойствах исторического процесса служило основой для построения понятия о конечной идеальной цели этого процесса, которая познанию является идеей, наивысшей в построяемой мыслью системе понятий. Для историка это— идея человечества, как «той индивидуальной части мирового целого», которая является «носительницей сознания». В процессе векового развития, человечество становится реальным «историческим целым» по мере углубления взаимодействия между личностями и социальными группами. Это взаимодействие, все более сознательное, по мере развития индивидуальных и коллективных сознаний, создает человечество, как «великую индивидуальность». Но и понятие человечества не было пределом построяющей мысли А. С. Лаппо-

Данилевского. Оно предполагает представление обо всей действительности, как об «одном мировом целом», на которое человечество воздействует все более сознательно «по мере объединения своего сознания». Мысль эту А. С. сохранил, не развертывая ее более конкретно, и в последних редакциях своей «Методологии»; а в первых он несколько определеннее и смелее ее досказывал, говорил «о космическом смысле социального развития», о предельном моменте исторического процесса—«реорганизации вселенной», т. е. мирового целого, сознательным воздействием «великой индивидуальности» человечества. Внутренний смысл этих построений разъясняется определением человечества, как состоящего «из индивидуальностей, способных вообще сознавать абсолютные ценности» и действующих «на основании ими самими предъявляемой себе нормы»,—а истории, как «постоянного осуществления некоего долженствования». В этих свойствах человечества и его истории «обнаруживается наиболее характерное воздействие человеческого сознания на материю», которому предстоит «реорганизовать вселенную». К сожалению, А. С. Лаппо-Данилевский не раскрыл содержания своего конечного идеала ни в системе «абсолютных ценностей», ни, тем более, в конкретном представлении о человечестве, как «великой индивидуально-

сти», создаваемой в историческом процессе, и о реорганизованном по творческой норме абсолютных ценностей мировом целом.

Это своеобразное мировоззрение сложилось, по существу, еще в тот период умственной жизни А. С. Лаппо-Данилевского, который я называю догматическим и характеризую влиянием контовского позитивизма. В эту пору А. С. был далек от гнозеологических основ критической философии; он отбивался от ее влияния, например, такими утверждениями: «безусловность формально-априорного синтеза опровергается тем, что человек не есть постоянная психо-физическая организация; едва ли формы синтеза неизменны во всем развитии человеческого типа; развитие анализа может изменить формальный априорный синтез». Возражение представителей критической философии, что применение идеи эволюции к априорным формам сознания ведет к разрушению всякой теории знания и к анархии мысли, к «алогизму», тревожило А. С—ча, видевшего в этом крайне «тяжелые вопросы». Личная впечатлительность его отношения к этим общим философским проблемам, знаменовала кризис в его мышлении, который привел его к своеобразному неокантианству, какой лежит в основе последних редакций «Методологии». Этот период в философ-

ском развитии А. С. Лаппо-Данилевского [1]) не оторван от предыдущего. Он создал лишь новую, более утонченную, критически взвешенную и методологически ориентированную форму изложения и обоснования того же сложившегося и цельного мировоззрения. Строгое требование научной обоснованности не дало А. С. Лаппо-Данилевскому выразить это мировоззрение в догматической системе. Пришлось убедиться, как отметил Т. И. Райнов, что «в философии непогрешимости не больше, чем вообще в науке, где пока все более или менее предварительно, ждет поправок, дополнений и развития». Желанное достижение окончательно сменилось непрерывным исканием, и строй воззрений А. С. Лаппо-Данилевского, при стремлении мыслить систематически, принял «гибкую форму внутренно-упругого и подвижного потока идей». Пришлось смириться перед недостижимостью конечного идеала полноты и цельности знания, понимать под наукой исторически данное знание, вечно стремящееся к недостижимому идеальному пределу.

А. С. Лаппо-Данилевский расстается с

---

[1]) Меткую характеристику воззрений А. С. Лаппо-Данилевского этого периода см. в статьях Т. И. Райнова (Ж. М-ства Нар. Пр., 1915, кн. 3) и Н. В. Болдырева («Мысль», кн I, 1922).

позитивизмом в монографии об «Основных принципах социологической доктрины О. Конта» [1]). Статья эта имеет значительную цену для выяснения развития воззрений А. С. Лаппо-Данилевского: она показывает, как углубленное изучение философии и социологии О. Конта ведет к выходу за их границы выяснением ряда противоречий в их основных положениях и к их переработке на иных философских предпосылках в окончательной редакции «Методологии» А. С. Лаппо-Данилевского.

Несомненно, что в этой перестройке сказалось разрушительное влияние критицизма на попытку объять необъятное в искании системы понятий, цельно охватывающих мировую действительность. Остался непоколебленным идеал знания, как объединенной системы понятий, признание «систематического единства» верховным принципом познания. Но догматический уклон всего мышления сменяется «методологической устремленностью» (по выражению Н. В. Болдырева): А. С. «обратился к науке, чтобы узнать, что делает ее наукой». На первый план выдвинулось изучение знания со стороны обосновывающих его принципов. Методология А. С. Лаппо-Данилевского не-

[1]) «Проблемы идеализма». Сборник статей под редакцией П. И. Новгородцева. Москва, 1902.

отделима от гнозеологии, ибо «изучение методов лишь средство для опознания принципов, которые придают общее значение познанию»; при том значение этих принципов — регулятивное, направляющее изучение к объединению знания в разнородных его областях; их значение в сведении всех изучений к систематическому единству мировоззрения. «Понятие систематического единства и учение о регулятивности принципов, замечает Т. И. Райнов, составляют ядро гносеологии А. С. Лаппо-Данилевского». Его гнозеология есть методология научного познания; она должна обосновать и обеспечить систематичность, полноту и достоверность изучения. Но, в конце концов, и она ориентирована методологически. Философия А. С. Лаппо-Данилевского заключена в «методологии» научного исследования действительности, онтологический синтез которой, отнюдь не упускаемый из виду, отодвинут вдаль идеальной полноты и законченности этого изучения.

В ту же даль отодвинута и задача раскрытия системы «абсолютных ценностей», в признании которых основной чертой человеческого сознания—один из важнейших регулятивных принципов методологии А. С. Лаппо-Данилевского. И в новой, последней философской ориентировке своей методологии, А. С. исходит из искания синтеза

«чистого» и «практического» разума, в котором были бы осуществлены познавательные ценности критической мысли и «категорического императива». В этом, кажется, главное своеобразие философских основ его «методологии истории»: она вводит в построение теории исторического знания априорный элемент этического характера, определяющий ряд предпосылок и аргументов познавательного значения. Тут догматический элемент оказался нерастворимым для всего напряжения критической мысли. Он решительно введен в самое определение «главного объекта исторической науки»—человечества, которое «стремится опознать систему абсолютных ценностей и осуществить ее в истории, воздействуя, таким образом, и на тот универсум, частью которого оно является». Определение это находит опору в понимании исторического процесса, как процесса, протекающего в психической сфере взаимодействия человеческих индивидуальностей и социальных групп, а психологическое истолкование исторических явлений признается неотделимым от «нормативной оценки», в силу самого определения предмета изучения признаками «свободы воли» «сознания абсолютных ценностей», «осуществления должного». А. С. Лаппо-Данилевский вводит эти понятия в методологически-обусловленной форме, доказывая

их логическую необходимость для построения исторического знания. Но этот прием служит, очевидно, и другой цели: сознательному уяснению и обоснованию представления об «абсолютных ценностях» и их роли в исторической действительности. Оба эти течения его мысли (методологическое и морально-догматическое) неотделимы: раз этические ценности имманентны сознанию, они—реальный фактор того психического процесса, в котором суть коллективной исторической жизни, а, в то же время, понятие о них—необходимая категория в построении исторического знания.

Вообще, глубокая этическая основа придает особую настроенность его методологии. Строгая методичность, отчетливая осознанность и критическая проверка каждого шага ученой работы—не только технический принцип науки, но и нравственный долг исследователя. И не только исследователя: упорное и последовательное искание истины в свободе от предразсудков, от непродуманных и легковесных суждений и стремлений, словом научно-вдумчивое отношение к действительности—таков этический идеал, лежащий в основе как ее изучения, так и практической деятельности. Научное познание действительности требует «критики, основанной на строго научном анализе своих и чужих суждений о данных фактах», и таково требование

не только знания этой действительности, в которой мы живем, но и активного отношения к ней.

Та же этическая основа одухотворяет и несет на себе всю надстройку тщательного анализа приемов научной работы в «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского: критику источников, основных понятий и построений исторической науки. Работа ученого должна быть насквозь сознательной и планомерной—таково основное требование методологии; для этого необходимо изучение этой работы в ее приемах, методах и задачах; необходима тщательная, детальная разработка ее техники. «Методологическая устремленность» А. С. Лаппо-Данилевского глубоко отразилась и на его личной исследовательской работе и на его преподавании.

9.

Вся эта большая теоретическая работа, казалось, далеко отводила А. С. Лаппо-Данилевского от его основной специальности—русской истории. Могло казаться, что «философ в А. С. Лаппо-Данилевском начинает преодолевать историка», что его научный интерес сосредоточивается на исторической науке в ее целом, в ее теоретических основах и методах более, чем

в ее конкретном содержании, тем менее на специальном содержании русской истории. Однако, по существу, в таких впечатлениях много одностороннего. Свое замечание о преодолении историка философом И. М. Гревс выправляет оговоркой, что «его философствование всегда служило целям и интересам истории», а должно быть дополнено оно и указанием, что само это философствование требовало, по существу, сочетания с подлинно-научной работой над изучением действительности и, прежде всего, исторической. Основной задачей этого философствования всегда оставалось построение теории исторического знания. А. С. выступает в своей «Методологии истории» убежденным защитником научной ценности конкретного исторического изучения действительности. Свою окончательную формулировку эта «Методология» получила под сильным влиянием труда Риккерта: «Границы натуралистического образования понятий», вышедшего в том же 1902 г., когда А. С. печатал свою монографию об «основных принципах» О. Конта—этот рассчет свой с позитивизмом. Теория исторического знания определялась у А. С. на противопоставлении «номотетического», и «идиографического» его построения: научное знание стремится либо к обобщению данных опыта, либо к их индивидуализированию харак-

терными чертами для выяснения конкретных особенностей изучаемых явлений.

Было бы, конечно, ошибкой сводить это различение у А. С. Лаппо-Данилевского к заимствованию у Риккерта или Виндельбанда: уже в речи перед магистерским диспутом (в 1890 г.) он говорил о тех же двух основных направлениях исторической мысли — широко обобщающем явления исторической жизни и вырабатывающем индивидуально-конкретные представления о них, причем тогда он пытался установить соответствие этих направлений изучению либо «всеобщей истории», задача которой выяснить «нормы общественного развития, общие всему человечеству», либо «исторического развития отдельной народности, которое стремится к определению ее специфических признаков». Весь методологический и исследовательский интерес А. С. Лаппо-Данилевского направлен именно на «идиографическое» изучение действительности, на изучение исторического развития отдельной и именно русской народности, в котором он искал определения ее, этой родной народности, «специфических признаков». Не стал он ни философом, ни даже социологом, а остался историком, и притом историком России.

Несомненно, однако, что в ряду «русских историков» А. С. Лаппо-Данилевский занял свое обособленное положе-

ние. Одна из черт, обусловивших эту обособленность, может быть отчасти объяснена биографически: А. С. вырос и сложился вне прямой связи с великорусской национальной стихией, и традиции Московской Руси остались ему субъективно чуждыми; далек он и от другой основной народной стихии русской жизни — украинской; вскормившая его Россия—это «великая Россия» императорского периода. Личная самостоятельность его одинокого ученого труда поставила его, в то же время, вне сложившихся живых течений русской историографии, вне, например, сколько-нибудь близкого отношения к московской исторической школе В. О. Ключевского, но также вне влияния петроградских аудиторий В. Г. Васильевского и К. Н. Бестужева-Рюмина. Наконец, выделяла А. С. Лаппо-Данилевского и характерная для него теоретическая и методологическая ориентация всего его отношения к исторической науке. В итоге он был больше «европейцем», чем кто-либо из деятелей русской историографии, человеком иной культуры и иной духовной среды.

Специалистом по русской истории А. С. Лаппо-Данилевский выступает еще в студенческие годы (1882 — 1886) в статьях, которые печатает в «Журнале Министерства Народного Просвещения» и в «Библиографе». Некоторые из них тем пока-

зательны, что в них уже затронуты темы, которые получили затем существенное значение в деятельности А. С—ча. Так, например, в статье, написанной по поводу труда В. И. Ламанского «Secrets de l'état de Venise», студент Лаппо-Данилевский поднял вопрос о систематическом пересмотре иностранных архивов с целью извлечения из них всего, что имеет отношение к русской истории, а, в частности, отмечает особое значение итальянских архивов для истории церковно-религиозных отношений России к Западной Европе и роли Московского государства в восточном вопросе; прошло много лет, и мысль эта получила некоторое осуществление, по почину и под руководством академика Лаппо-Данилевского, в разысканиях римского корреспондента Академии Наук и в изданиях: «Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией» (с 1907 г.) и «Памятники дипломатических и культурных сношений России с Италией». Так, другая студенческая статья А. С. Лаппо-Данилевского представляет этюд, по поводу книги Ордеги, к вопросу, которому он позднее отдал много внимания: «Русская промышленная политика в XVIII веке». И в этих первых выступлениях начинающего ученого перед нами научный работник со своей определенной физиономией,

который ведет работу твердой рукой, методически и планомерно.

Показательна для него хотя бы статья об «Иноземцах в России в царствование Михаила Федоровича», где так обстоятельно выясняются состав выезжих служилых иноземцев, мотивы, приводившие их в Москву, пути проезда, условия их пребывания на московской службе, отношение к ним правительства и т. п. Статья эта отнюдь не потеряла значения и после работ Цветаева и Мулюкина.

Но, в некоторых отношениях, особенно характерна студенческая работа А. С. Лаппо-Данилевского о «Скифских древностях», изданная в 1887 г. Русским Археологическим Обществом [1]). Для первой пробы сил, начинающий самостоятельную ученую жизнь исследователь выбрал очень сложную и трудную задачу. А в ее разработке наглядно сказалась одна особенность, которая осталась и позднее характерной для подхода А. С. Лаппо-Данилевского к любой научной теме. Он исходит не из учета наличного материала, каким может располагать исследователь, а из теоретического построения идеально-полного и всестороннего исследования, которое и должно быть выполнено. Так, в «Скифских древностях»

---

1) В VI томе «Записок Отд. Русск. и Слав. Археологии» и отд.

находим главы и параграфы о географии страны, народности, истории Скифов, об их занятиях, пище, жилище, одежде, вооружении, утвари, об их обычаях, семейных и общественных отношениях, об «умственном и религиозно-нравственном развитии древне-скифских племен»; об уровне их материальной культуры, письменности, искусстве, знаниях и, наконец, религии [1]). Не обзор «скифских древностей», а опыт восстановления полной картины скифского быта—такова поставленная задача. По состоянию данных, она была неразрешима, но ее постановка заставила автора подробно и пристально пересмотреть эти данные со всех намеченных точек зрения. И то, что по отношению к этой первой крупной работе А. С. Лаппо-Данилевского можно было бы принять за молодое увлечение, заслуживает внимания, поскольку этот прием был проявлением одной из присущих его ученому мышлению особенностей. А. С. всегда, или, по крайней мере, обычно, подходил к каждой теме с планомерно продуманной схемой ее разработки, а из этого вытекало предъявление к научной работе—своей ли или чужой—максимальных требований пол-

---

[1]) Молодая эта работа А. С. Лаппо-Данилевского вызвала довольно суровую оценку Ф. Г. Мищенка в «Журн. М-ства Нар. Просв.» 1888 г., кн. 9; ответ А. С—ча там-же, кн. 11.

ноты, всесторонности и систематичности исследования, часто таких, которые невыполнимы при данных условиях материала и специальной разработки деталей. В соединении с моральным ригоризмом, столь свойственным А. С. в отношении к научной работе, этот прием приводил к крайней строгости его суждения, прежде всего, о собственных своих достижениях; эту его черту отмечает, как было уже упомянуто, С. Ф. Ольденбург, говорит о ней И. М. Гревс, как о «болезненном отношении к собственной работе», которое «подрывало много сил, остановило не мало результатов». Она же делала его крайне суровым иногда критиком на диспутах и в рецензиях, когда он, построив свой план данной темы, идеально-невыполнимый, затем доказывал, что разбираемый труд не отвечает научным требованиям [1]). Такое умонастроение и было, в конечном счете, той почвой, на которой выросла «методологическая устремленность» А. С—ча и чрезмерная самокритика, остановившая не мало плодотворных результатов его изучений на пороге их осуществления, в том числе,

---

[1]) Ср. для примера «Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде», о книге Никитского, История экономического быта Великого Новгорода, в «Журн. М-ства Нар. Пр.», 1893 г., кн. 12 и отд.

и главного его обширного труда по русской истории...

10.

На четвертый год по окончании университета А. С. выступил с крупным трудом, посвященным изучению организации прямого обложения в Московском государстве 17-го века. Труд этот явился в свое время, по признанию одного из самых строгих его критиков—П. Н. Милюкова, одним из «самых замечательных явлений в русской исторической литературе». Основанный на изучении обширного материала печатного и рукописного,—этот труд ставил на очередь ряд назревших новых вопросов, давал их первую подробную разработку на основании данных, впервые вносимых в ученый оборот, строил на них целую систему финансового строя Московского государства и выяснял несшую его на себе социально-экономическую базу, давал цельное представление о московском государственном и общественном строе. «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований»—книга, которая заняла сразу прочное положение в русской историографии, в ряду наиболее видных исследований. Охотно признавая сильные стороны труда А. С. Лаппо-Данилевского,

критика—со стороны московской исторической школы [1]) — указывала на его скорее догматическое, чем историческое построение: автор воспроизводит не столько финансовую историю 17-го века, сколько финансовую систему Московского государства, вне изучения развития государственного хозяйства в его связи с общим ходом исторической жизни в данную эпоху, как раз типичную «переходную» эпоху брожения и перестройки основных форм великорусской жизни. В таких возражениях на самую постановку темы сказалось существенное различие направлений исторической мысли. А. С. Лаппо-Данилевский подошел к своей задаче с особой точки зрения, навеянной, в значительной мере, традицией историко-юридической школы, С. М. Соловьева, особенно Б. Н. Чичерина и А. Д. Градовского. Традиция эта сказалась очень ярко на том общем положении, которое служит у А. С. Лаппо-Данилевского исходным пунктом характеристики 17-го века: «родовые отношения, на которых основан был патриархальный строй древне-русского общества... не успели еще смениться юридически определенными и самостоятельными общественными союзами, когда правительство настолько

[1]) П. Н. Милюков. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. Спб. 1892.

окрепло..., что, до некоторой степени, осуществило в себе идею государства». Этот «исходный пункт» потому интересно отметить, что, как увидим далее, вопрос о развитии государственного начала в 18 веке и, особенно, возникновение и развитие «юридически определенных и самостоятельных общественных союзов», а также о взаимном отношении новой государственности и новой общественности в императорском периоде, т. е. концепция русского исторического процесса совсем в духе схем Соловьева и Кавелина, легла в основу работы А. С. Лаппо-Данилевского над историей России в 18 столетии, на которой сосредоточился главный его интерес в конкретной исторической работе.

С другой стороны, выбор темы и характер ее разработки в диссертации определился у А. С—ча определенным общим воззрением, согласно которому каждая национальная история есть проявление особого «типа», причем этот исторический национальный тип проявляется, преимущественно, в особенностях государственного строя. В применении к русской истории А. С. признал периодом наиболее яркого развития специфических особенностей русского национального типа 17-й век. Все это навеяно сильным влиянием той же историографической традиции, тенденции которой доведены до логической крайно-

сти в общем суждении А. С—ча о развитии великорусской народности: «оно сказывалось,—по его мнению,—главным образом, в прогрессивном росте правительственных органов и их функций, а не в историческом разностороннем движении всей совокупности народных сил», а поэтому «изучение русского 17-го века сводится, главным образом, к ознакомлению с его правительственной историей». В этой истории — наиболее существенными представились—финансы и войско, причем зависимость военного дела от финансовых средств и выдвинула на первую очередь изучение системы обложения, как основы всего государственного хозяйства.

Кроме теоретических соображений, тема привлекала автора сознательно поставленной себе целью—связать первую большую работу с изучением сырого материала, особенно, рукописного, чтобы выработать себе технику исследования во всех ее стадиях: он, действительно, вошел на этом труде в приемы и задачи исторической методологии, архивного и археографического дела и положил, тем самым, прочное начало своего дальнейшего роста, как выдающегося специалиста в вопросах источниковедения, дипломатики и архивного дела.

С архивными разысканиями связан ряд опубликованных А. С. Лаппо-Данилев-

ским специальных этюдов: о величине дворовых и огородных мест древне-русского города, о «приправочных» книгах 17 в., о «поверстной и указной книгах» Ямского приказа, о «мостовых и решеточных деньгах» в Новгороде и Москве в 17 в., а также этюды, предпосланные изданиям «кормленой книги Костромской четверти», «писповой и переписной книги» по Нижнему Новгороду, «записной книги» крепостным актам дьяка Алябьева, «отрывков из дела о сборе земли, дров и денег на емчужное дело с погостов Новгородских пятин 16 в.», «веревной книги Николаевского Корельского монастыря 1707 г.» [1]).

Основная тема, разработка которой начата магистерской диссертацией 1890 г.,— изучение русской государственности в ее соотношении к общественному строю— осталась в центре исторических изучений А. С. Лаппо-Данилевского. Его внимание направлено все шире и глубже, с одной стороны, на историю сословий (в диссертации—глава «о податных классах»), с другой на выяснение эволюции правосознания и государственных понятий. При этом, А. С. в дальнейших трудах своих касается лишь отдельных вопросов русской истории московского периода. Так он посвятил не-

---

[1]) Библиография трудов А. С. Лаппо-Данилевского в «Русск. Ист. Журнале», кн. 6.

сколько работ истории служилого землевладения, истории сельского населения и развитию понятия о государственной власти в до-петровской Руси. Его статья о «выслуженных вотчинах в Московском государстве 16—17 вв.» выяснила одно из явлений в эволюции служилого землевладения, принципиально важное для истории русского поземельного права. Его «Розыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве 16—17 вв.», дают, в форме отзыва о труде М. А. Дьяконова, стройный и строго продуманный итог состояния этого вопроса, которое предшествовало его принципиально иной постановке, какая обусловлена открытием нового материала о «заповедных» и «выходных» летах. Характеристику перестройки представлений о задачах государственной власти и взаимоотношениях между нею и населением в 17 веке дает доклад, прочитанный А. С. на Лондонском международном съезде историков: «Идея государства в ее развитии в России от Смуты 17-го века до реформ 18-го в.».

Московская Русь 17 в. утратила, при дальнейших изучениях, в представлении А. С. Лаппо-Данилевского, характер законченного культурно-исторического типа; 17 век выступает теперь с чертами переходной эпохи, которая интересует иссле-

дователя преимущественно процессом перехода к новым формам социально-политического строя и быта и к новому, по форме и содержанию, укладу духовной культуры. В связи с этим и господствующий интерес историка переходит на русскую государственную и общественную жизнь 18-го столетия. Экскурсы, посвященные им до-петровской Руси служат, в значительной мере, вступлением к изучению тех же явлений в позднейшие исторические эпохи, а частью, как лондонский доклад или «Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России» [1]), где он выясняет, как сложились эти разряды и как они в 18 в. получили бо́льшую правовую определенность и сословное значение, — и переходят в такое изучение.

Начав в 1890—91 гг. университетское преподавание специальным курсом по истории сословий в Московском государстве, А. С. продолжил этот полугодичный курс в 1891—92 г. «историей сословий в России в 18 столетии», а затем, в 1893—94 г., прочел курс: «История России в 18 столетии». В основу этого курса была положена определенная схема русского исторического процесса; унаследованная — в

---

[1]) В сборнике «Крестьянский строй», т. I. Спб., 1905.

принципиальной точке зрения—А. С. Лаппо-Данилевским от «историко-юридической школы». Важнейшим явлением этого процесса признана «смена прежних родовых связей новыми, общественными», что проявляется на рубеже 17 и 18 вв. в образовании общественных союзов, построенных на общности сословных, экономических (торгово-промышленных) и духовно-культурных (новое просвещение, обучение в новых школах) интересов. Впервые деятельными факторами русской исторической жизни выступают личность и независимая от государства общественность. Новое, светское образование и развитие народного хозяйства создали духовную и материальную опору личности. С этой же точки зрения рассматривается значение сословного начала: сословная группа—замена общей гарантии гражданских прав, и входя в нее, отдельная личность находит условия относительно свободной своей жизнедеятельности; перед нами уже та точка зрения, которая несколько позднее нашла применение в «Очерке внутренней политики имп. Екатерины II» (1898 г.). Такое же значение имеет возникновение торгово-промышленных кампаний, вообще всех ассоциаций на основе не повинностей, а интересов.

Во вступлении к этому курсу, 17 век характеризуется уже как «переходная»

эпоха — между Московской Русью 16 века, для которой типичная черта — преобладание правительственной деятельности, — и Россией 18-го столетия — периодом взаимодействия между правительством и обществом. Эта общая схема получила дальнейшее развитие в периодизации истории России 18-го века по четвертям столетия: для первой четверти характерно преобладание активной государственной власти, на первом плане Петр и правительство; для второй — ослабление правительственной власти и преобладание общественных сил, преимущественно — дворянских; для третьей — их взаимодействие, которое приводит к признанию общества (сословного) правительством, к постепенному освобождению сословий, к образованию общественного мнения и к руководящему в политике значению сословных, областных и общенациональных общественных интересов; а конец века приносит распад взаимодействия правительственных и общественных сил в эпоху правительственной реакции.

Такая конструкция давала возможность обнять в стройном изложении большой фактический материал. А в общем ходе научной работы А. С—ча она имеет то значение, что дает первый очерк того обширного труда, который занимал его в течение ряда лет и остался незаконче-

ным и тему которого А. С. так определял: «исследование русской общественной жизни 18 века, материальных, а отчасти и духовных факторов ее культуры и взаимоотношения, какое обнаруживалось между ее проявлениями и правовыми нормами» [1].

В связи с этой общей темой — ряд отдельных вопросов подвергнут А. С. Лаппо-Данилевским специальной разработке. Вернее сказать, он, по мере работы над обширным трудом, напечатал несколько этюдов, связанных с ним. Кроме упомянутого общего очерка внутренней политики имп. Екатерины II, который написан по внешнему поводу—к столетнему юбилею Екатерины, А. С. посвятил несколько статей развитию юридического образования и кодификационным опытам 18-го века, возникновению новых форм торгово-промышленной организации и деятельности русского капитала, смене направлений экономической политики, тенденциям политики социальной и некоторым явлениям в истории нового просвещения.

С точки зрения А. С. Лаппо-Данилевского все это, как и многое другое,—во-

---

[1]) Краткая автобиография в «Материалах для биографического словаря действительных членов Академии Наук».

просы изучения новой общественности, возникающей в России 18-го века, все более сознательной и устремленной к планомерному воздействию на окружающую действительность. В частности, А. С. следил за наростанием в течение 18-го века, и у правительства, и у общества, потребности в юридическом образовании, и связывает ее, между прочим, с выработкой составленного при Екатерине II «Описания внутреннего правления Российской империей». «Описание» это А. С. назвал первым «Собранием и сводом законов Российской империи», отмечая этим своеобразное его построение, которое, действительно, делает его сходным, в некоторых отношениях, с полным собранием, а, в других, со сводом законов. Исследование, посвященное «Описанию» рассматривает его, не только как опыт кодификационной работы, но и как ценный материал для изучения русского общественного правосознания во второй половине 18 века. Эта точка зрения дала основание предпослать исследованию две вступительные главы, из которых одна рассматривает «русское юридическое образование в 18 веке», а другая подводит итог кодификационным работам разных комиссий, которые и подготовили, в значительной мере, составление первого собрания и свода законов.

Преобразование государственных учреждений со времен Петра Великого и новые задачи служебной работы в них вызвали обучение при правительственных учреждениях «юнкеров» практическому законоискусству, и, в то же время, стремление к организации «регулярного государства» и к установлению правомерных взаимоотношений сословных групп между собою и с правительственной властью, усиливало потребность в более содержательном юридическом образовании, как опоре слагавшегося нового правосознания. Изучение отечественного права и его систематическая разработка становились насущной необходимостью, что повышало значение кодификационных опытов и предъявляемые к ним требования: они должны были служить не только практическим целям в узком смысле слова, но также дать готовый материал для научного преподавания юриспруденции и для правового воспитания. С такой общей точки зрения А. С. объединил обе указанные темы в одном исследовании, желая вполне выяснить условия возникновения и внутренний смысл изучаемого памятника, столь важного для его общей концепции истории 18-го века.

Изучение того же общего явления, которое для А. С. характеризует наиболее существенную сторону русского исторического процесса в 18 веке, т. е. возникно-

вения и развития новых форм организации общественных сил и взаимоотношения их самодеятельности с политикой государственной власти, определило особый интерес А. С—ча к русским торговым и промышленным компаниям первой половины 18-го столетия, а также к руководящим началам правительственной экономической политики. Первой из этих тем посвящена монография о «Русских промышленных и торговых компаниях в первой половине 18 столетия»; второй—статья, изданная на немецком языке: «Русская комиссия о коммерции 1763—1796 годов» [1]). К ним примыкают—обширная академическая рецензия на труд Н. Н. Фирсова и отзыв о труде Н. Д. Чечулина [2]).

А. С. называл эти работы монографиями по истории экономической жизни России. Но существенный смысл их иной. Явления из области экономической жизни рассматриваются тут с таких сторон, что их изучение дает этюды по истории развития новых форм общественной организации и их отражения в нормах права. Таковы розыскания об условиях возникновения,

---

[1]) В сборнике в честь Теодора Шиманна (1907).

[2]) Фирсов. Правительство и общество в их отношении к внешней торговле России в царствование Екатерины II;—Чечулин. Очерк из истории русских финансов в царствование Екатерины II.

устройства и судьбах компанейских предприятий в области торговли и промышленности; таковы и исследования о смене направлений экономической политики правительства. Вопросы историко-правовые и историко-политические господствуют в направлении работ А. С. Лаппо-Данилевского. Самостоятельно и по своему, его исследовательская и построяющая мысль движется по следам «юридической школы» русской историографии, расширяя и углубляя поставленные ею задачи.

На первом плане—изучение общественных группировок и ассоциаций, а также судьбы на русской почве руководящих идей и принципов политической и общественной деятельности, занесенных с Запада. Век Екатерины II привлек, с этих точек зрения, его особое внимание. В «Очерке внутренней политики Екатерины II» он широко и планомерно выясняет общие руководящие начала ее правительственной деятельности в различных областях государственной жизни; в этюде «Екатерина II и крестьянский вопрос»—принципы ее сословной политики.

Не отделимо от этих задач, в общем историческом воззрении А. С. Лаппо-Данилевского, изучение «нового просвещения». Он в напечатанных трудах успел ближе его коснуться только в юбилейной речи: «Петр Великий—основатель Академии

Наук» и в статье об «И. И. Бецком и его системе воспитания».

Общая, руководящая идея А. С. Лаппо-Данилевского близка к схеме К. Д. Кавелина о «развитии начала личности», как историко-философском смысле исторического процесса, который развертывается в смене древних родовых форм быта началами государственных и общественных отношений. «У нас не было начала личности», писал Кавелин в своей знаменитой статье 1846 г.: «Взгляд на юридический быт древней России»,—«древняя русская жизнь его создала; с 18-го века оно стало действовать и развиваться; оттого-то мы так тесно и сблизились с Европой, ибо совершенно другим путем она к этому времени вышла к одной цели с нами». А. С. Лаппо-Данилевский дает несколько иную формулу той же мысли в своем «Очерке внутренней политики Екатерины II» (1898 г.) «Реформа Петра Великого,—пишет он тут,—хотя и не создала лица, как самостоятельной единицы общественного строения, но, во всяком случае, расчистила ту почву, на которой свободно могла бы с течением времени развиться человеческая личность. Русский человек 18-го в. уже находил в новом образовании и более оживленной, а также усовершенствованной хозяйственной деятельности духовную и материальную опору для проявления своей личной

инициативы и самостоятельности». И дальше развивает ту мысль, что новые правовые идеи насаждают, под влиянием теорий «естественного права» понятие о «личных и имущественных правах человека», а развитие сословности имело то значение, что сословная группа «становилась обществом взаимного страхования свободной жизнедеятельности каждого из его членов, наилучшей политической гарантией его гражданских прав».

Так, этюды А. С. Лаппо-Данилевского по истории 18-го века объединялись общей идеей, которой он не дал, однако, в полной и окончательной редакции. Перед нами—лишь отрывки его работы, примыкающие к основному обширному труду, над которым он работал много лет. В значительной части своей, этот труд представлял собою крупное по объему, а, конечно, и по значению, законченное целое много лет тому назад, и А. С. неоднократно высказывал тогда же намерение приступить к его печатанию. Однако, все откладывал, занятый другими задачами, а также переработкой и непрерывным усложнением выполненного. Труд этот остался в виде обширной рукописи, повидимому, законченной в обработке только первой его половины, так что основная его часть, касающаяся века Екатерины II, едва ли в нем окажется завершенной.

II.

Такая судьба основного труда А. С. Лаппо-Данилевского не случайна. Крайние запросы научности, предельные требования полноты и цельности достижения, питаемые метафизическими и моральными требованиями его духовной природы, связывали его решение признать работу законченной. А. С. Лаппо-Данилевский боролся с возвышенным идеалом совершенной науки не столько путем конкретного исторического исследования, сколько путем изучения ее основ и ее техники в методологии и критике источников. Так, и в области русской истории А. С. отдал много творческого труда на создание целого отдела источниковедения — дипломатики частных актов, задаче, которая выделилась, как особо сложная и очередная, из его занятий вопросами критики, систематизации и издания документального материала. «Частные акты» — исторический материал, наименее разработанный и наименее использованный в изучении прошлой жизни. И в преподавании своем, и в обсуждении разных исторических вопросов в заседаниях ученых обществ А. С. часто указывал на его существенное значение. Одностороннее внимание нашей историографии к изучению государственного строя объяснял он,

в значительной мере, неразработанностью этого материала. А, между тем, подлинная задача историка должна состоять в исследовании взаимодействия государства и общества, государственного строя и гражданского быта. Изучение общественной жизни, во взаимодействии ее проявлений с правовыми нормами, может быть основано на широком использовании актов частного гражданского характера. Выше было уже упомянуто о том, как А. С. с группой учеников поставил историческую работу над изучением и изданием актового материала. Сам он, в исследовании о «служилых кабалах позднейшего типа», дал образцовую работу по дипломатике частных актов, предлагая новый прием анализа формуляра кабал и местных его разновидностей и выясняя развитие этого формуляра в течение 17-го века. Несколько ценных работ его учеников по методике дипломатического изучения актов и по исследованию отдельных их типов появилось в «Сборнике статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому» (1916 г.).

Работа над изучением частно-правовых актов выростала, по необходимости, в разработку самых методов русской дипломатики. Общие итоги этой работы подведены А. С—чем в последнем его труде—«Очерке русской дипломатики частных актов», лекциях, прочитанных им в осен-

нем семестре 1918 г. на Архивных Курсах при Петроградском Археологическом Институте. Печатное их издание оказалось уже «посмертным».

12.

«Всякая деятельность измеряется не только результатом, но и задачами». Этот афоризм А. С. Лаппо-Данилевского естественно применить к нему самому.

Значительны были результаты его деятельности, но настоящую меру его личности дают поставленные им задачи. Смерть унесла его из нашей среды, когда его широкие начинания, все разроставшиеся, были близки к относительному, но значительному завершению в виде издания окончательной редакции «Методологии», систематического итога «Дипломатики частных актов», выпуска в свет первого тома «Грамот Коллегии Экономии», завершения обширного труда по истории 18-го века. Все разносторонние труды его были объединены одной идеей — идеей научной истины, как объединенного знания. В области русской истории его многогранная ученость объединялась определенной общей концепцией русской истории, завершающей, по своему, целый период в развитии русской историографии. Свойственная А. С—чу глубокая цельность

натуры служила естественной опорой цельности его мировоззрения, которую он стремился сознательно проработать и ею осветить и осмыслить цельное, систематически-продуманное представление о том, что делает единым объектом изучения исторический процесс — русский, прежде всего, а дальше и шире—обще-человеческий. По отношению к русской истории, именно к ходу развития русской духовной культуры, он оставил нам весьма интересный и характерный опыт широкой обобщающей мысли в лекции о «Развитии науки и просвещения в России», которую он в 1916 году прочел перед английской аудиторией и которая, в следующем году, появилась в сборнике, изданном кэмбриджским профессором Деффом, под заглавием: «Russian Realities and Problems».

В этой статье-лекции А. С. следит за общим ходом развития русской мысли в ее общем движении и специальном развитии. Исходным пунктом всего изложения служит наблюдение, что всякая мысль, которая претендует на значение познания, должна быть объединенным познанием. Не только философия, но и всякое движение науки и просвещения, стремится к этой цели: как индивидуальное мышление, так коллективное, в частности—национальное идейное творчество ищет единства и цельности мировоззрения. Развитие русского

идейного творчества и русского просвещения может быть, поэтому, охарактеризовано путем выяснения «объединяющих начал», какие в нем сказались. На ранних ступенях культурно-исторической жизни, единство господствующего мировоззрения определяется преобладанием религиозного мышления. Средневековое мировоззрение Московской Руси стоит перед А. С. Лаппо-Данилевским, как цельный культурно-исторический тип, в своеобразной статической законченности. Но постепенная секуляризация просвещения и всего мышления разлагает такое относительное единство духовной культуры. Настает период искания новых форм общественности и мышления, усвоения новых элементов просвещения в связи с усилением западных влияний. У этих плодотворных просветительных процессов был, однако, существенный недостаток: отсутствие единства. И русская светская мысль могла достигнуть такого единства только по достижении самостоятельности и, в этом смысле, национальности. Только путем переработки заимствованного знания и просвещения и его дальнейшего развития в самостоятельном творчестве, русское мышление могло заново найти «принцип своего единства», который раньше был утвержден только на религиозной и специально-православной точке зрения». В течение 18-го

и 19-го столетий наука и просвещение стали в России русской наукой и русским просвещением. Русская мысль стала играть свою особую роль в общем историческом развитии науки и просвещения, которое охватывает все народы цивилизованного мира. И достигнув такой самостоятельности и такой значительности, национальная русская мысль ищет своего объединяющего начала. Сказались эти искания в двух направлениях. Русская философская и научная мысль упорно ищет бо́льшего единства в концепции тех явлений, какие изучает, и всего мироздания: А. С. иллюстрирует эти достижения русской мысли подвигами мощного теоретического обобщения в трудах Лобачевского и Чебышева, Менделеева, Гадолина и Федорова, Павлова, Влад. и Ал—дра Ковалевских, Мечникова, Вс. Соловьева и Серг. Трубецкого, а также представителей «материалистического монизма»—Плеханова и Ленина. С другой стороны, русская мысль стремится к более широкой постановке «проблемы единства», которая обняла бы сверх теоретических задач познания, также иные элементы сознания—волю и чувство.

Идеалистические течения русской общественной мысли, начиная со старых славянофилов, русской художественной литературы и русского искусства стремились создать единство мировоззрения с рели-

гиозной и моральной точек зрения, примыкая к типичным течениям русской философской, публицистической и социологической мысли. В этих опытах синтеза идеалов мысли, воли и чувства, выдающуюся роль играет религиозная или, по крайней мере, моральная точка зрения, которую А. С. готов признать существенной, хотя и не вполне отчетливой, характерной чертой объединяющего принципа русской мысли. Но ее единство, ее стремление к объединению и цельности должно быть не только продумано, но и реализовано. Отсюда его тесная связь с жизнью. Это единство должно быть реальным, осуществляемым в согласовании идеала и действительности, мысли и деятельности. Такова задача будущего, вполне назревшая. До последнего времени, строй русской жизни не благоприятствовал ни углублению сознательной общественности, ни оплодотворению мысли жизнью, и разлад между ними был вредоносен для обоих. Разлад этот предстоит преодолеть в русском самосознании, в русской самодеятельности, и в свободном сотрудничестве России, как органической части человечества, с другими народами.

Таков был завет русского историка-мыслителя накануне великого кризиса всей мировой и русской национальной жизни.

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„КОЛОС“

Петроград, Литейный пр., 21, кв. 14. | Москва, Б. Никитская, № 22.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА:

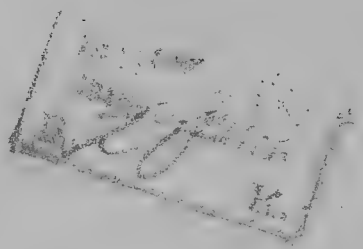
ВЫШЛИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

1. И. Игнатов—„И. С. Тургенев“.
2. Его-же—„П. С. Мочалов“.
3. Н. Е. Эфрос—„А. Н. Островский“.
4. В. В. Виноградов—„А. А. Шахматов“.
5. В. Н. Княжнин—„А. А. Блок“.
6. А. Е. Пресняков—„А. С. Лаппо-Данилевский“.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

1. А. И. Огнев—„Л. М. Лопатин“.
2. Т. И. Райнов—„А. А. Потебня“.
3. Н. Д. Кондратьев—„М. И. Туган-Барановский“.
4. Н. К. Лебедев—„П. А. Кропоткин“.
5. Л. Клейнборт—„Н. И. Зибер“.

ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ К ПЕЧАТИ:

1. П. Н. Сакулин—„Д. Н. Овсянико-Куликовский".
2. Его-же—„В. Г. Короленко".
3. Г. И. Чулков—„Ф. И. Тютчев".
4. А. И. Белецкий—„Каролина Павлова".
5. А. Е. Пресняков—„В. О. Ключевский".
6. А. С. Долинин—„Ф. М. Достоевский".
7. О. Форш—„А. А. Иванов".
8. А. С. Поляков—„С. А. Венгеров".
9. Б. М. Энгельгардт—„А. Н. Веселовский".
10. С. Н. Валк—„В. И. Семевский".
11. Э. Л. Радлов—„М. И. Каринский".
12. А. А. Гизетти—„Н. К. Михайловский".
13. П. А. Флоренский—„В. В. Розанов".
14. П. А. Сорокин—„М. М. Ковалевский".

215